Слава партийным и непартийным большевикам—героическим сынам социалистической родины, завоевавшим Северный полюс!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 34 (670)

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ... БИБЛИОТЕКА

Литературная газета

Суббота, 26 июня 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. Цена 30 коп.

25 июня в Москву возвратилась героическая воздушная эскадра завоевателей Северного полюса. На снимке (справа налево): товарищи Шмидт, Водопьянов, Молоков, Калинин, Сталин, Андреев, Молотов, Димитров и Любченко на торжественном митинге на Центральном аэродроме в Москве.

Фото Б. Ярославцева.

Непобедимые бойцы социализма

В блестящем успехе полярной экспедиции О. Ю. Шмидта, в героическом подвиге товарищей Чкалова, Белякова и Байдукова нашли полное и замечательное выражение могущество советского государства, создавшего превосходную авиационную технику и широко развернувшего фронт научной работы в Арктике, и могущество советских людей, воспитанных партией и социалистическим строем.

Не случайны наши захватывающие успехи в деле овладения Арктикой: железная воля большевиков руководит огромной систематической и планомерной работой, заполняющей суровые арктические просторы сетью полярных станций, заселяющей Советский Север отважными зимовщиками, создающей опорный пункт советской культуры на дрейфующей льдине в центре полярного бассейна.

Получившие мировое признание победы нашей авиационной промышленности успехи творческой мысли советских конструкторов являются ярчайшими показателями мощи планового социалистического хозяйства, высокого уровня новой технической культуры, успешно выковываемой социалистической страной.

Героизм наших летчиков и полярников, сочетавших мужество и отвагу с блестящим знанием дела, с исчерпывающим овладением техникой, является несомненным свидетельством того, что социалистический строй создает новый тип человека, выращивает человеческие характеры принципиально новые, отличные от характеров, создаваемых кровавым, хищным и грязным строем капиталистической эксплоатации. Чкалов, Байдуков, Беляков, Папанин, Кренкель, а вместе с ними и все герои Советского Союза, все выдающиеся деятели социализма, все они — сыны советского народа, взращенные советской властью, воспитанные ленинско-сталинской партией, люди, бесконечно преданные социалистической родине.

Всепоглощающее чувство любви к родине, чувство ненависти к ее врагам, готовность отдать свою жизнь на пользу и славу социалистической страны—вот основные слагаемые могучего советского патриотизма, руководящего нашими людьми в их больших и малых делах. Эти чувства присущи миллионам советских граждан, они определяют политический и моральный облик советского человека, они вдохновляют советский народ в его труде и борьбе.

Величайшую ответственность за порученное дело, любовь к нему, сочетание творческих дерзаний с точным и всесторонним научно-техническим расчетом, несгибаемую волю, неудержимую храбрость и подлинную скромность—все эти прекрасные свойства человеческого характера продемонстрировала сейчас перед всем миром замечательная тройка наших летчиков. И кто не понял, что это молодой социалистический мир, полный творческих сил, в блеске и могуществе новой культуры промчал над полюсом свою краснокрылую птицу?

Беспосадочный перелет по маршруту Москва—Северный полюс—США открыл новую эпоху в истории авиации. Недаром с таким восторгом говорят о нем крупнейшие авиационные авторитеты мира. Значение научной станции в центре полярного бассейна трудно переоценить. Это — подлинно новая эпоха в историческом деле покорения природы человеком.

Эпоха эта открыта делами летчиков и полярников социалистической страны; дела, подобные перелету Чкалова, подобные замечательному штурму полюса экспедицией Шмидта, недоступны ни одной капиталистической стране. Для таких дел нужны социалистическая организация, социалистическая наука, советские люди. Гниющий заживо капиталистический строй способен теперь лишь на такие «подвиги», как бомбежка Герники, как расстрел женщин и детей в Бильбао, как истребление безоружного абиссинского народа, как изгнание Эйнштейна из Германии, как медленное убийство Карла Осецкого. Фашистские палачи и их троцкистско-бухаринская агентура с бешеной ненавистью жаждут уничтожения Советской страны и ее народа—носителя исторического прогресса и новой культуры. Напрасны подлые надежды врагов передового прогрессивного человечества!

Опыт и пример Советского Союза, победоносно расцветающего под солнцем Сталинской Конституции, создающего все новые и новые кадры отважных бойцов социализма, подлинных героев человечества, беспощадно уничтожающего врагов народа, этот пример вдохновляет трудящиеся массы всего мира на борьбу с фашизмом и его растленной агентурой. И ни у одного честного человека во всем мире нет сомнений в конечном результате этой борьбы,—победит социализм, победит новая культура, новые люди, рождающиеся в героической борьбе республиканской Испании, в классовых битвах под знаменем единого пролетарского и народного фронта во всем мире. Имена героев Советского Союза, отважных полярников, славных стахановцев социалистической промышленности и колхозных полей широко известны во всем мире, их чтут и любят миллионы трудящихся, как передовых людей ударной бригады мировой социалистической революции.

Великолепны дела и подвиги наших летчиков и полярников, пронизанные духом подлинного гуманизма, высокой и благородной страстью бойцов науки, пролагателей новых путей человечества. Завоевание Северного полюса, открытие воздушного пути между двумя континентами—это вклад социалистической страны в дело общечеловеческого прогресса, особенно величественный и радостный сейчас, когда мутная волна человеконенавистнического фашизма оплевывает культурное наследие человечества, когда фашистские заправилы организуют новую империалистическую бойню.

Вчера столица Советской страны и весь советский народ с любовью и восторгом встречали отважных покорителей Северного полюса, вернувшихся из героической экспедиции. На другом полушарии земного шара, в Соединенных Штатах Америки, американский народ восторженно приветствует верных сынов нашей родины, сталинских соколов—Чкалова, Байдукова и Белякова. Мысли и чувства миллионов людей на обоих полушариях земли прикованы к блестящему триумфу советской авиации, советских полярников, **людей социалистической страны**. Они—герои всего человечества. Такова могучая сила социалистической культуры, таковы победы раскрепощенного от капиталистических пут стосемидесятимиллионного народа. Великие идеи коммунизма, идеи партии Ленина — Сталина с еще большей силой овладевают в эти дни сознанием трудящихся во всем мире.

Привет и слава советским богатырям, непобедимым бойцам коммунизма!

Слава партии Ленина—Сталина, ведущей страну героев к новым победам!

Мечта сбылась!

Мечта сбылась...

Наши советские самолеты побывали на Северном полюсе. Четверка смелых зимовщиков вот уже второй месяц живет и работает на дрейфующей льдине.

Товарищи писатели — прозаики, поэты, драматурги! Разве это не блестящая тема для ваших произведений? Рассказать в повестях, стихах, пьесах о завоевании Северного полюса, о полярниках и их делах, — разве это не почетная задача для каждого из нас?

Давайте же по-большевистски возьмемся за перо и расскажем Советскому Союзу и всему миру о том, что только вчера было мечтой всего человечества.

Герой Советского Союза М. ВОДОПЬЯНОВ.

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Вчера в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца состоялся прием участников экспедиции на Северный полюс, устроенный Центральным Комитетом ВКП(б) и правительством Союза ССР. В огромном зале собрались рабочие и работники авиационной промышленности, строители и сборщики моторов и самолетов, участвовавших в экспедиции, родные и друзья победителей Северного полюса, работники Главсевморпути, члены президиума Академии наук, члены ЦК ВКП(б) и правительства. Присутствовали также маршалы Советского Союза т.т. Егоров и Буденный, секретарь МК ВКП(б) тов. Хрущев, заместители начальника Главсевморпути т.т. Янсон и Бергавинов, руководители военной и гражданской авиации, крупнейшие конструкторы, директора заводов, Герои Советского Союза т.т. Ляпидевский, Доронин, Слепнев и другие.

Появление в зале товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, членов ЦК и правительства было встречено бурной овацией и восторженными криками «ура», «Да здравствует вождь народов товарищ Сталин».

За столом президиума — товарищи **Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Андреев, Микоян, Чубарь, Косиор, Жданов, Эйхе, Ежов, Постышев, Шмидт, Водопьянов, Молоков, Алексеев, Головин, Янсон.**

Во время приема-ужина народный комиссар обороны маршал Советского Союза тов. Ворошилов провозгласил тосты за руководителя экспедиции О. Ю. Шмидта, за командиров воздушных кораблей, штурманов, борт-механиков и всех участников блестящей полярной операции.

Теплые слова тов. Ворошилова были обращены к четырем полярникам, оставшимся в районе полюса на дрейфующей льдине выполнять задание партии и правительства.

Тов. Ворошилов отметил роль жен, матерей и членов семейств всех участников экспедиции, всячески помогавших победителям полюса в их ответственной работе.

Восторженной овацией всех собравшихся был встречен провозглашенный тов. Ворошиловым тост в честь организатора завоевания Северного полюса, в честь великого вождя народов товарища Сталина. Все встают. Раздаются возгласы: **«Да здравствует большевистская партия», «Да здравствует товарищ Сталин», «Ура товарищу Сталину».** Овация не стихает несколько минут.

Затем тов. Ворошилов провозгласил тост за главу советского правительства товарища Молотова — ближайшего друга и соратника товарища Сталина. **Зал восторженно и тепло приветствует товарища Молотова.** Далее тов. Ворошилов провозглашает тост за председателя ЦИК СССР тов. **М. И. Калинина.** Снова гремит овация.

Тов. Ворошилов поднимает бокал за коллектив полярников, за страну, плоть от плоти, кровь от крови которой они являются, за коммунистическую партию, воспитывающую замечательных сынов социалистической родины, за товарища Сталина. Снова гремят восторженные возгласы, зал бесконечно рукоплещет любимому вождю и учителю.

Для присутствовавших на приеме был дан концерт, организованный Всесоюзным комитетом по делам искусств при Совнаркоме СССР. В концерте приняли участие лучшие артистические силы Москвы и красноармейский балалаечный оркестр.

Руководители партии и правительства пробыли вместе с участниками экспедиции до окончания концерта. Затем тов. Ворошилов от имени руководителей партии и правительства тепло и сердечно простился с присутствовавшими.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Столица Советского Союза чествовала вчера отважных завоевателей Северного полюса. Улица Горького от Красной площади до Белорусского вокзала и Ленинградское шоссе до Центрального аэродрома имени Фрунзе превратились в триумфальную магистраль героев.

Окна многих домов по улице Горького украшены цветами. Под лучами жаркого солнца горят стяги. С портретов смотрят знакомые лица бесстрашных исследователей Арктики — Шмидта, Водопьянова, Молокова, Алексеева и их сподвижников. В честь славных полярников посольство Соединенных Штатов Америки вывесило свой государственный флаг.

На Центральном аэродроме также необычное оживление. У широкой бетонной дорожки к 4-м часам дня собираются родные, друзья и соратники прилетающих полярников, представители московских предприятий и учреждений. Среди почетных гостей — известный советский авиаконструктор А. Н. Туполев, Герои Советского Союза Слепнев и Доронин, летчик Коккинаки, президент Всесоюзной Академии наук СССР акад. Комаров.

К трибуне под'езжает вереница машин. Из них выходят товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Чубарь, Косиор, Жданов, Ежов, Акулов, Хрущев, Димитров и др. Долго не смолкают рукоплескания в честь товарища Сталина, руководителей партии и правительства.

Товарищ Сталин входит на трибуну, приветствуя поднятием руки родных и близких завоевателей полюса. Увидев группу детей с протянутыми вперед ручонками, товарищ Сталин подходит к маленьким крепышам вплотную и, улыбаясь, пожимает им ручонки.

Вместе с товарищем Сталиным на трибуну поднимаются члены Политбюро Центрального комитета ВКП(б) и т.т. Ежов, Хрущев, Акулов, Димитров, Косарев, Егоров, Буденный, Рухимович, Межлаук, Литвинов, Янсон, Лозовский, Стецкий, Яковлев, Бубнов, Булганин, Филатов.

Без двух минут 5 часов. Вдали над горизонтом показываются четыре темные точки. Они быстро приближаются и вот уже над аэродромом большие чудесные птицы. Это — эскадра завоевателей полюса. Ровно 5 часов. Корабли пролетают почти над трибуной. Взлетают ввысь букеты цветов. Гремит «ура». Самолеты появляются над Москвой, предводительствуемые флагманским кораблем «СССР-Н-170» под управлением Героя Советского Союза Водопьянова. Город полон ликующих возгласов.

Самолеты идут на посадку. Впереди «СССР-Н-170». В 5 часов 7 минут оранжевая птица Водопьянова, боевого командира эскадры, приземляется на обширном поле. Вслед финиширует «СССР-Н-172» — под управлением Алексеева. За ним — самолет «СССР-Н-171» — Молокова и «СССР-Н-166» — Головина. С места приземления полярники под'езжают к трибуне на автомашинах. Снова вспыхивают аплодисменты. Они усиливаются, когда из машин выходят Шмидт, Водопьянов, Молоков и другие участники экспедиции.

Герои Арктики направляются к правительственной трибуне. Все они глубоко тронуты и радостно взволнованы торжественной встречей. Первым на трибуну подымается Отто Юльевич Шмидт. Товарищ Сталин крепко жмет руку академику-большевику, бесстрашному завоевателю Арктики, и обнимает его.

С отеческой лаской великий вождь народа приветствует также Водопьянова, Молокова, Алексеева, Спирина, Бабушкина, Головина и других участников экспедиции. Им крепко пожимают руки товарищи Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин...

Начинается митинг. По поручению Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР его открывает заместитель начальника Главсевморпути тов. Янсон. Слово предоставляется заместителю председателя Совнаркома СССР тов. В. Я. Чубарю. Затем выступают начальник экспедиции тов. О. Ю. Шмидт и командир эскадры Герой Советского Союза тов. Водопьянов.

МИТИНГ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ АЭРОДРОМЕ им. ФРУНЗЕ

Митинг открывает зам. начальника Главного управления Северного морского пути тов. Янсон:

— Товарищи, по поручению Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и Совнаркома СССР открываю митинг, посвященный встрече завоевателей Северного полюса, участников экспедиции под руководством Отто Юльевича Шмидта.

Слово от Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и Совнаркома СССР имеет товарищ Чубарь.

РЕЧЬ тов. В. Я. ЧУБАРЯ

Товарищи! По поручению Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и Совета Народных Комиссаров Союза ССР передаю отважным завоевателям Северного полюса, командирам и рядовым работникам экспедиции, большевистский привет. **(Аплодисменты).**

Наши славные полярники во главе с тов. Шмидтом с честью выполнили ответственнейшее задание партии и правительства по организации на Северном полюсе научной полярной станции. Они оставили там группу советских людей, отдавших себя разработке сложнейших научных вопросов, которыми интересуется весь мир и к разрешению которых делались попытки во многих странах. Только советские полярники, только советские герои оказались достаточно сильными и организованными, чтобы совершить труднейший перелет на Северный полюс и организовать там полярную научную станцию. Благодаря этой блестящей победе наши полярники оказались в деле изучения неразгаданных тайн природы впереди всего человечества, так же как впереди всего человечества идет под руководством партии Ленина — Сталина весь наш великий Советский Союз. **(Аплодисменты).**

Самое замечательное, товарищи, то, что Северный полюс завоеван без всяких потерь людьми и при полной сохранности материальной части. Значение этого факта трудно переоценить, ибо мы знаем, сколько катастроф имело место при попытках исследователей — одиночек из капиталистических стран добраться до Северного полюса. Ответственная задача, которую выполнили наши советские люди, была сопряжена с большими опасностями, и изумительная победа, о которой мы сравнительно недавно еще и мечтать не могли, является показателем той высокой техники и организованности, на которые способно только советское государство, только социалистическое общество.

Славная победа советских героев, как и успехи на всех других фронтах социалистического строительства, есть результат в первую очередь большевистской организованности. Партия Ленина—Сталина воспитала героев летчиков, способных решать труднейшие задачи. Вдохновителем и организатором героического полета, чье руководство принесло заслуженный успех, является наш вождь и учитель товарищ Сталин. **(Бурные аплодисменты).**

На первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 г. тов. Сталин сказал, что нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. **(Аплодисменты).** Сегодня мы можем сказать, что полет на Северный полюс и организация там полярной станции — это взятие не одной, а многих крепостей в нашей борьбе за торжество социализма. **(Аплодисменты).**

Наши славные полярники т.т. Шмидт, Водопьянов, Молоков, Мазурук, Алексеев и их помощники, все работники, участвовавшие в экспедиции на Северный полюс, еще раз показали миру, на что способен великий советский народ, на что способны борцы за социализм. **(Аплодисменты).**

Народы Советского Союза идут под руководством большевистской партии от победы к победе, преодолевая на своем пути различные трудности, которые усугубляются тем, что враги социализма, враги трудящихся — немецко-японские фашисты руками своих агентов — троцкистско-бухаринских диверсантов, вредителей, бандитов, руками изменников нашей родины пытались тормозить победоносное социалистическое строительство. Но эти попытки разбиты так же, как преодолеваются другие препятствия. Корни фашистской диверсионно-шпионской агентуры выкорчевываются самым беспощадным образом. Презрение и ненависть шлет советский народ этим гадам, вредителям, шпионам. Советская разведка ведет упорную, успешную борьбу с гнусными попытками врагов навредить СССР и обеспечивает тем самым дальнейшие успехи в построении коммунистического общества, дальнейшее развитие советской науки.

Фашизм готовит нападение, но народы Советского Союза, разгромив фашистскую военно-шпионскую банду Тухачевского, Якира и др., еще более усилят свое внимание и любовь к своей победоносной славной Красной Армии, воспитывающей прекрасных сынов социалистической родины, самоотверженных борцов за социализм.

Победа полярников обеспечивалась не только беззаветно смелыми героями, беспредельно преданными делу партии, делу нашей великой родины. В победе крупнейшую роль играло высокое качество материальной части — самолетов, моторов, всего того, что советская промышленность, советский рабочий с любовью и преданностью создает для процветания страны Советов и что с успехом будет использовано для разгрома врага, если он посмеет напасть на великий Советский Союз.

Вся страна, все передовое человечество отмечает сегодня победу советской авиации, наших славных полярников, оказавших неоценимую услугу делу науки.

Да здравствует партия Ленина—Сталина — организатор многомиллионных масс трудящихся, партия, ведущая их от победы к победе. **(Аплодисменты).**

Да здравствуют славные сыны великой социалистической родины, отважные полярники, прилетевшие сегодня из далекого полярного края сюда, в родную красную Москву. **(Аплодисменты).**

Да здравствует организатор и вдохновитель побед на всех участках нашей борьбы за социализм, наш родной великий **Сталин.** Ура! **(Крики «ура», аплодисменты).**

РЕЧЬ тов. О. Ю. ШМИДТА

Товарищи, мы бесконечно счастливы рапортовать товарищу Сталину, Центральному Комитету нашей партии, советскому правительству и всей нашей великой счастливой стране, что сталинское задание выполнено. Мы на Северном полюсе выполнили свою задачу, вернулись сегодня сюда живые и на живых самолетах! **(Аплодисменты, крики «ура»).**

Северный полюс будет служить человечеству. Поставить на службу человечеству Северный полюс сумел только наш Советский Союз. **(Аплодисменты).**

Северный полюс, центральная Арктика обеспечат сообщение с Америкой. Блестящее доказательство этому — изумительный полет товарища Чкалова.

Научная работа в центральной Арктике обеспечит нам лучшее знание погоды, обеспечит лучшее знание ледовых условий для плавания Северным морским путем, не говоря уже о многочисленных, также очень важных теоретических исследованиях, которые давно тревожили умы лучших ученых, но не могли быть раньше решены. Оказалось, и это признают друзья наши и не могут скрыть недруги, что не трудно побывать на полюсе, но поставить его на службу, освоить его и освоиться с ним можно только после того, как силы человека освобождены от угнетения, от эксплоатации. **(Аплодисменты).** Только после Великой пролетарской революции, только в условиях победоносного социалистического строительства эта победа над природой могла быть одержана. Этой победы нам бы не удалось одержать, если бы не был так могуч и силен Советский Союз, если бы не было у нас такой изумительной промышленности. Наши прекрасные

Окончание см. на 2-й стр.

Митинг на Центральном аэродроме им. Фрунзе

Начало см. на 1-й стр.

машины сделаны так умно, так прочно, что их нельзя не уважать, даже Северный полюс должен был отнестись к ним с уважением! **(Аплодисменты).**

А люди Советской Страны!

Конечно, мы подбирали людей друг к другу. Но мы все — 40 с лишним человек — слепок со многих тысяч сынов нашей Родины. Мы — простые советские люди, преданные своей стране, верные ученики партии. В этом наше качество. Это партия воспитала в нас те черты, без которых силами природы не овладеть. Это она воспитала в нас ясное понимание цели, силу характера, уверенность в победе и преданность тем высоким идеям, которыми мы руководствовались, следуя указаниям партии. Если бы не эти черты, то и нас полюс не стал бы уважать. А полюс знал, кому покориться. Он веками ждал нас, советских людей! **(Аплодисменты).**

Могучая техника, большевистское воспитание и закалка, которые дала нам партия, ясность цели, планомерная многолетняя работа над освоением Арктики — все это воплощается в имени человека, который всех нас ведет от победы к победе, который детально начертал на много лет план работы в Арктике, послал нас туда и наполнил наши сердца горячей верой и огромным счастием. Это — товарищ Сталин! **(Бурные аплодисменты, крики «ура»).**

Может быть не все знают, что товарищ Сталин, занятый огромной своей работой, уделял много внимания Северу, что по личной инициативе товарища Сталина был создан особый государственный орган для освоения Севера, даны все необходимые материальные средства и люди для выполнения этой задачи. И руководил этим делом товарищ Сталин, непрерывно поощряя нас, когда надо, удерживая, когда мы излишне увлекались.

Это руководство, эту человеческую заботу, эту теплоту мы чувствовали каждодневно. Сталинское задание, сталинский стиль работы, которому мы старались подражать, — это были движущие силы на нашем пути. Не было дня, чтобы мы в своих беседах, возвращаясь мысленно к родине или думая о трудностях, которые нам предстояло победить, не вспоминали о товарище Сталине.

А когда радио донесло до нас весть о злодейских преступлениях, которые пытались совершить фашистские выродки против нашей страны, против нашей партии, против нашего вождя, наши сердца вместе с трудящимися всей страны закипали злобой, и мы так же, как и весь советский народ, не пожалели бы ни крови, ни жизни для защиты своей социалистической родины.

Товарищи! Работа в Арктике еще не кончена. Заложена очень серьезная основа, но еще многое надо сделать. Мы знаем, что и в дальнейшей нашей работе мы будем чувствовать такую же поддержку всей страны, такое же мудрое руководство нашего правительства, нашего Центрального Комитета партии. Мы все отдадимся будничной работе, чтобы извлечь всю необходимую пользу из того шага, который мы сделали. Мы доведем дело до конца. Полюс будет действительно давать все то, что может дать природа освобожденному человечеству. Тому порукой то, что мы работали, работаем и будем работать под руководством товарища Сталина! **(Бурные аплодисменты, возгласы «Да здравствует товарищ Сталин! Ура»).**

РЕЧЬ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. М. В. ВОДОПЬЯНОВА

Товарищи, мы вернулись в нашу красную столицу, выполнив задание. Были на Северном полюсе. Садились там, жили там. Спали в спальных мешках, но чувствовали себя там хорошо. Оторванности мы не чувствовали. Шутка сказать, как у нас были оборудованы машины: мы с Северного полюса по прямому радиотелефону разговаривали с Москвой.

Если бы не были так хорошо оборудованы самолеты, если бы не были так подготовлены люди, конечно, трудно было бы нам выполнить задание.

Меня спрашивали, когда я готовился к полету: «Как ты полетишь на полюс и как ты там будешь садиться? А вдруг сломаешь машину — пешком то далеко итти?» **(Смех).** Я говорю, что сяду. Если поломаю, пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь; товарищ Сталин не бросит человека! **(Крики «ура», бурные аплодисменты).**

Прежде, чем полететь на полюс, мы перечитали все книги об экспедициях на север. Занятие не очень веселое, читаешь: там погиб человек, там пропал человек, там еще что-нибудь. Арктика проглотила не одну человеческую жизнь. Но наши жизни Арктика проглотить не посмела, потому что она стала дрессированной, и укротителями ее являются большевики. **(Аплодисменты).**

На таких самолетах, с такими людьми, с такими летчиками, мы, товарищ Ворошилов, в любую минуту, если это потребуется для обороны нашей Родины, можем повернуть эти корабли с Северного полюса на запад или на восток. Мы, полярные летчики, заверяем вас, что готовы в любую минуту выполнить любое задание нашей партии и правительства. **(Аплодисменты).**

Да здравствует наша социалистическая родина!

Да здравствует наша великая, могучая партия и любимый вдохновитель всех наших побед товарищ Сталин! **(Крики «ура», аплодисменты, возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!»).**

Будем драться за новые достижения!

О. Ю. Шмидту, Водопьянову, Молокову и всем участникам Северной экспедиции

Примите искренний привет, отважные собратья по профессии. Вы в интересах мировой науки как истинные сыны социалистической родины, овладев советской техникой, приложив к ней большевистскую напористость и выдержку, рискуя жизнью и реализовав целесообразность, сделали то, о чем мечтали лучшие умы не один век.

Полюс не просто завоеван, полюс — уже изучаемая географическая область земного шара, которую можно использовать теперь для самых разнообразных целей.

Мы, как никто, можем оценить ваши успехи, так как после вас мы уже с полной уверенностью связали Европу с Америкой по кратчайшему расстоянию. Будем же и в дальнейшем драться рука об руку в борьбе за новые достижения во славу нашей великой родины, во славу нашего вождя народов товарища Сталина.

Еще раз поздравляем с победой и крепко целуем каждого из вас!

ЧКАЛОВ,
БАЙДУКОВ,
БЕЛЯКОВ.

Присоединяюсь к привету наших героев.

ТРОЯНОВСКИЙ.

НАШИМ ДОРОГИМ ДРУЗЬЯМ ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ ШМИДТА

«Мы счастливы узнать, что все вы — полным составом — возвратились в нашу родную Москву. С горячей благодарностью вспоминаем вашу смелую работу, вашу помощь, которые позволяют нам теперь вести нормальную работу на Северном полюсе.

Мы желаем всем вам всяческих успехов.

Крепко жмем руки. До свиданья в будущем году.

ПАПАНИН,
КРЕНКЕЛЬ,
ШИРШОВ,
ФЕДОРОВ».

СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ -- УЧАСТНИКИ ЗАВОЕВАНИЯ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Л. БРОНТМАН

Л. Бронтман появился в «Правде» много лет назад, будучи студентом университета.

Выполняя первые несложные поручения редакции, он еще не знал, что профессия газетчика-информатора станет его любимым делом.

Работа сразу понравилась ему и захватила его.

Огромный и разносторонний мир вдруг раскрылся перед ним, и он с жадностью знакомился сегодня — с работой на заводах и фабриках, завтра — с деятельностью плановых комиссий в наркоматах, потом — с успехами страны в области автомобилизма или авиации, с качеством шоссейных дорог, с развитием водного транспорта, с культурно-воспитательной деятельностью профсоюзов и клубов, с победами на полях спортивных состязаний и со всеми другими, многоразличными, но одинаково интересными, темами газетной информации.

Синий комбинезон со штанами, завязанными повыше щиколотки, специальные очки в защиту от пыли, парусиновый или кожаный шлем, плотно облегающий голову, — и газетчик отправился в далекий путь, через всю страну, по всем дорогам, в каракумские пески

Л. Бронтман выпустил по окончании этого знаменитого автомобильного пробега книгу.

Тяжелая шуба, меховая шапка с длинными наушниками, огромные рукавицы, — и газетчик отправился с полярной экспедицией, на ледоколе, вдоль северных берегов родины.

Теперь он пробыл в таком же полярном обмундировании с летной экспедицией, завоевавшей Северный полюс и оставившей на льдах первую советскую дрейфующую зимовку. Он находился в экспедиции во все время ее подготовительных работ, он участвовал во всех ее перелетах, он побывал на Северном полюсе и теперь возвратился в Москву с завоевателями неприступных точек земли.

Советский газетчик, он не только информировал свою газету и своих читателей о ходе экспедиции, но был также и деятельным ее участником, энергичным членом коллектива, победившего Север.

А.

Э. ВИЛЕНСКИЙ

Журналист, сотрудник «Известий ЦИК СССР и ВЦИК», Виленский — один из тех людей, которые, раз побывав в Арктике, навсегда решили связать с ней свою жизнь и работу.

И когда, после первой арктической экспедиции на ледоколе «Садко», Эзра Виленский появился в редакции «Известий» одетым в скромный морской китель, товарищам по работе было ясно: Виленский «заболел» Арктикой...

И действительно, интерес к далеким полярным морям, неизведанным землям, к борьбе с природой Арктики по-настоящему захватил Виленского.

Написанная им совместно с журналистом Черненко книжка очерков «Высокие широты» посвящена арктической теме. Отдельные главы из этой книжки появились в журналах «Молодая гвардия» и «Новый мир».

Теперь, после возвращения из героической экспедиции на Северный полюс Эзра Виленский напишет новую книгу — о завоевании белых пятен на «верхушке мира», о людях, с чьими именами связаны величайшие победы Советского Союза в Арктике.

Д—И.

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Время и пространство побеждены

— Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять, — сказал великий и мудрый штурман социалистической революции товарищ Сталин.

— Да, нет таких крепостей, — ответила вся наша великая страна, родившая таких героев, как участники завоевания Северного полюса, и таких, которые сделали великолепный прыжок из СССР в Северную Америку.

Что же можно сказать теперь, спустя несколько дней после того, как наша любимая родина заставила о себе говорить весь мир?

Все это замечательно, и замечательно настолько, что иногда наша советская действительность, наши дела, наши планы, претворенные в жизнь, кажутся просто сказкой. Но волшебства на свете не бывает, — есть люди, есть кадры, которые решают все.

Шмидт, Чкалов, Водопьянов, Беляков, Молоков, Байдуков, Папанин, Кренкель и еще десятки других преданных людей нашей страны, — «это живые люди, это мы с вами» **(Сталин).**

Время и пространство побеждены. Северный полюс, зимовка на дрейфующей льдине, грандиозный перелет Москва — Соединенные Штаты Америки — это наши дни, это наша действительность.

А вчера? Вчера было по-другому. Вчера километры пожирали миллионы минут, тысячи часов, сотни суток. И когда вспомнишь, что переход русской эскадры в дни японской войны 1905 года из Кронштадта в воды Дальнего Востока, накануне боев Цусимы, занял целых 8 месяцев, а перелет СССР—Северная Америка всего только 63 часа, — сразу чувствуешь разницу между тем, что было вчера и что есть сегодня.

Только мы, только наша великая социалистическая родина, только выпестованные ею люди могут совершать геройские дела во имя победоносного пролетариата, во имя всего человечества, во имя науки, во имя постоянного движения вперед.

Я уже не молод, но события сегодняшнего дня делают меня юным, дают мне неиссякаемые силы для творческой работы писателя, зовут в бой за будущее нашей замечательной родины.

Что сказать еще? Мой горячий привет сынам великого Союза ССР — летчикам и зимовщикам, людям, которых воспитал и вдохновил наш родной Иосиф Сталин!

В. ШИШКОВ

Слава им!

Мы живем в окружении сказочных событий. Факты, один ярче другого, заполняют золотые страницы культурного развития Страны советов.

Еще вчера недоступная твердыня Северного полюса сегодня завоевана нашими героями воздуха. А на завтра через Северный полюс, на крылатой птице, знаменующей мощь нашего Союза, Чкалов, Байдуков и Беляков беспосадочно летят в другое полушарие и благополучно опускаются на материк Северной Америки, целиком исполнив предначертания партии и правительства и удовлетворив свою неистребимую страсть к геройке на пользу людям.

От Москвы до Америки их волшебную птицу двигал не мертвый бензин, а горячая живая кровь, пылающая доблесть, точное знание своего дела, несокрушимая сила воли и настоящая любовь героев воздуха к своей родине.

Они и им подобные являются надежными пилотами, ведущими людей к заветной цели — к всечеловеческому счастью.

Слава им!

Ленинград.

М. ШАГИНЯН

ПРИШЛО ВРЕМЯ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТНИХ МАСШТАБОВ

Нельзя и невозможно представить себе развитие человечества без освоения полюса.

Нельзя и невозможно представить себе, чтоб этот новый шаг в развитии человечества, освоение полюса, был сделан не самой передовой исторической силой в мире — партией большевиков, и не гениальными советскими летчиками и учеными, а кем-нибудь другим.

Мы — в преддверии того незакатного дня будущего, когда летные птицы социализма, одна за другой, словно сверкающие ракеты из пламени, будут взлетать и взлетать в неизлетанные и неизведанные пространства, делая их все более простыми, все более доступными для человеческой мысли и чувства. Потому что пришло время для пересмотра и изменения тысячелетних масштабов, как оно пришло для изменения норм нашей трудовой производительности.

ЛАХУТИ

Слава краснокрылому соколу

По тропам злобы и коварства
японский соглядатай бродит,
Ногою наглою пытаясь
рубеж советский перейти.
Но в сердце черное шпиона
карающая пуля входит,
И грозный штык красноармейца
встает у вора на пути.

Советский сокол краснокрылый
через неслыханные грани
Перелетел, и в самом сердце
Америки нашел приют.
Скажи разбойникам японским
и их учителю — Германии:
Вот так за рубежи чужие
победной поступью идут!

Перевела с фарси БАНУ.

Л. ДЛИГАЧ

Москва — Северный полюс — США

Родина, — мы говорим,
и снова
Все сердца обращены к тебе,
Каждого волнует это слово,
Как рассказ о собственной судьбе.

В час, когда настороженней вдвое
Слушаешь полета ровный гром,
Сердце,
беспокойное,
живое
Учащенно бьется под ребром.

И тому, кто шел сквозь рев
норд-оста,
Сквозь туман и стужу — по
прямой,
Я хочу сказать тепло и просто:
— Здравствуй, соотечественник
мой,
Потому что есть на свете слава,
Как заря, встающая во мгле, —
Право видеть наше небо,
право
Жить на нашей молодой земле!

В самом черном пламени позора
Навсегда истлеют имена
Тех, кто зябко ежился от взора
Твоего, любимая страна.

Счастлив тот, кому дано открыто
Родине своей смотреть в глаза!
. . . .
Сколько туч пропеллером изрыто,
Сколько раз встречала нас гроза!

Пройден путь
прямой,
суровый,
длинный,
Как наметил сталинский пунктир.
Три пилота вышли из кабины,
Новый Свет глядит на новый мир.

Вновь раскрылись тысячи
блокнотов,
Об'ективы вновь наведены —
Трех бесстрашных сталинских
пилотов
Две великих чествуют страны.
. . . .
Родина, — мы говорим,
и снова
Все сердца обращены к тебе,
Каждого волнует это слово,
Как рассказ о собственной
судьбе.

По какой невиданной дороге
Довелось пройти большевикам, —
И «герои» Герники в тревоге —
Руки так и тянутся к штыкам.

Надо их предостеречь от риска,
Пусть запомнят, что в суровый
час
Будет нам до них довольно близко,
Как сейчас им далеко до нас!

В. ГЕРАСИМОВА

Роман с продолжением

Мировая литература неоднократно и настойчиво обращалась к теме личного героизма, к теме преодоления человеком могучих сил природы.

Если взять автора, наиболее близкого к нашему мироощущению, — Джека Лондона, то нетрудно заметить в его творчестве одну странную особенность: его замечательные рассказы и повести, посвященные мужеству человека, обрывались именно там, где человек выходил победителем.

В большинстве случаев они обрывались и фабульно. В некоторых случаях он пытался отобразить дальнейшую жизнь своего счастливого победителя, но тогда страницы эти рождались обескровленными, бледными, иногда поражали странной, не идущей ко всему мужественному облику этого прекрасного писателя дешевой сентиментальностью.

Это и понятно.

В индивидуалистическом корыстном мире самым пленительным, поражающим воображение художника и было проявление его мужества, его игры с судьбой, как называл это Джек Лондон. Этот процесс проявления всех душевных и волевых сил человека был гораздо соблазнительнее для большого художника, чем те конечные результаты, к которым приводил этот подвиг в условиях капиталистического мира.

Что собственно мог предложить капиталистический мир героическому полярному исследователю, летчику, мореплавателю? Маленькое счастье в уютном коттедже с любящей женой и любимым бэби. Весь тот призрачный мираж маленького индивидуального счастья, который нередко приводил к таким ошеломляющим катастрофам, как катастрофа дома Линдбергов.

В плане же общественном это значило, что завоеванное кровью открытие будет захвачено опытными и грязными руками финансовых дельцов, предпринимателей, корыстных монополистов.

Вот почему сам процесс победы куда больше занимал певца героизма Джека Лондона, чем конечные результаты этого подвига.

В ином положении герой страны социализма. Огромнейшие перспективы открывает путь первой стальной ласточки «АНТ-25». Уже сейчас Герой Советского Союза тов. Водопьянов по горячим следам выдвигает смелый план перелета через Северный полюс в Америку целого звена наших стальных птиц. Уже сейчас в стране социализма разрабатываются планы наиболее полного и богатого исследования вновь открывшейся трассы.

Нужно ли говорить, какое научное, культурное и, наконец, чисто практическое значение имеет грандиозный перелет советских летчиков.

И разве солидной успокоенностью заканчивается личная судьба этих трех замечательных летчиков? Интересы общества, составной частью которого они являются, открывают перед ними дальнейший блестящий путь к победам, перед которым меркнет маленькая мечта среднего человека капиталистического мира, мечта об успокоенности, об уютном коттедже.

Блестящий роман из жизни недописан. Мы можем только догадываться, какое количество замечательных страниц будет содержать он.

Поэтому мы с удовлетворенной улыбкой не откладываем книгу, мы только с увлечением начали ее читать. Это живая каждодневная радость для всех нас. Это неиссякаемый источник энергии, силы, изобретательности и новых достижений для наших любимых героев.

Законы романа с счастливым концом опровергнуты. Здесь не ставится точка и не следует слащавая мелодрама. Замечательное произведение идет по восходящей.

ВМЕСТЕ СО ВСЕМ НАРОДОМ ЖДЕМ ГЕРОИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Обращение советских художников и скульпторов к советским литераторам и поэтам

Каждый день приносит миру все новые и новые доказательства роста сил, богатства и могущества советского государства. Завоевание Северного полюса нашими отважными героями-летчиками и исследователями Арктики во главе с Отто Юльевичем ШМИДТОМ, Героем Советского Союза М. ВОДОПЬЯНОВЫМ, И. ПАПАНИНЫМ и др. и только что совершенный нашими героями-летчиками тт. ЧКАЛОВЫМ, БАЙДУКОВЫМ, БЕЛЯКОВЫМ беспримерный перелет Москва — Северный полюс — Северная Америка наглядно говорят о том, что сынам нашей социалистической родины не страшны никакие преграды, что под руководством нашего великого, любимого всеми трудящимися вождя товарища **СТАЛИНА** мы достигнем еще новых, еще более замечательных побед.

Со злобой и яростью глядят на расцвет социалистической страны наши тайные и явные враги. Нет такой подлости и мерзости, которую они не были бы готовы нанести нашей родине. Процесс военно-шпионской банды Тухачевского и К° показал еще раз, что каждому честному гражданину СССР необходимо еще более усилить свою бдительность, еще более укреплять обороноспособность нашей родины. Это прекрасно почувствовал советский народ, который в ответ на гнусную вылазку шпионской шайки обратился к правительству с предложением о выпуске специального займа укрепления обороны СССР.

Советские художники и скульпторы приветствуют постановление правительства о выпуске этого займа и все, как один, безоговорочно примут участие в его размещении.

Но одно только это участие в великом деле укрепления мощи СССР для творческих работников недостаточно. Владея острейшим оружием воздействия на широкие массы, художники кисти и пера могут и должны содействовать укреплению обороноспособности и своим дарованием и своим творчеством.

Советские художники, участвуя в свое время в организации выставки «XV лет РККА» и выпустив эту выставку через издательство Московского областного союза советских художников двухтысячным тиражом, уже внесли посильную лепту в дело обороны нашей страны.

Сейчас художники и скульпторы **вновь со всей энергией включились в работу** по созданию новой выставки — «XX лет РККА» и создают целый ряд произведений на оборонную тематику.

Советская литература имеет ряд значительных произведений, написанных на оборонную тематику, но основная масса литераторов и поэтов все же проходит мимо этой волнующей и актуальной темы. **Мы призываем вас к горячей и взволнованной работе на темы, связанные с обороной нашей великой страны.**

Вместе со всем народом художники и скульпторы ждут от вас героических произведений, еще больше вдохновляющих народы СССР на укрепление нашей прекрасной родины.

Вдохновленные героизмом лучших людей нашей страны, мы, советские художники, будем работать над тем, чтобы наше искусство стало мужественным, идейным, подлинно большевистским и народным, достойным великой эпохи Ленина—Сталина.

Орденоносцы — заслуженные деятели искусств: А. ГЕРАСИМОВ, И. РАБИНОВИЧ, Ф. ФЕДОРОВСКИЙ, орденоносец — Ф. РЕШЕТНИКОВ, заслуженные деятели искусств: С. ГЕРАСИМОВ, В. БАКШЕЕВ, И. ПАВЛОВ, П. КУЗНЕЦОВ, Б. ЕФИМОВ, И. ГРАБАРЬ, Е. КАЦМАН.

Художники: Г. РЯЖСКИЙ, Н. ДЕНИСОВСКИЙ, Г. САВИЦКИЙ, Б. ИОГАНСОН, П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ, Ф. БОГОРОДСКИЙ, А. ГОЛЬДШЛЯК, КУКРЫНИКСЫ (КУПРИЯНОВ, КРЫЛОВ, СОКОЛОВ), **П. ОСИПОВ, А. КАНЕВСКИЙ, Г. ШЕГАЛЬ.**

Скульпторы: заслуженный деятель искусств В. ДОМОГАЦКИЙ, И. ЕФИМОВ, С. МЕРКУРОВ, И. МЕНДЕЛЕВИЧ, И. ШАДР, В. АНДРЕЕВ, Г. МОТОВИЛОВ, С. ТАВАСИЕВ.

Писатели выполнят свой долг перед родиной

Группком драматургов готовится к проведению подписки на «Заем укрепления обороны СССР»

Группком драматургов начал подготовку к проведению подписки на «Заем укрепления обороны СССР».

Проживающим в Москве авторам немедленно по открытии подписки будут разосланы письменные приглашения оформить ее, причем для удобства подписывающихся будут открыты три пункта: в группкоме, в драмсекции и в Управлении по охране авторских прав.

Несмотря на то, что количественный состав группкома уменьшился за последние 2½ года на 135 человек, сумма подписки на займы не только не уменьшилась, но значительно увеличивалась. Так, в 1934 году группком собрал по подписке **118** тысяч рублей, в 1935 г.—уже **180** тысяч, а подписка на заем 1936 г. достигла **222** тысяч рублей.

Об огромном энтузиазме авторов свидетельствует тот факт, что уже теперь, до открытия официальной подписки на заем, поступают заявления о желании подписаться на заем.

Собирающиеся уезжать драматурги непрерывно запрашивают группком о возможности оформить подписку теперь же.

Жены драматургов также включились в кампанию по новому займу.

Группком драматургов до сих пор шел впереди всех писательских организаций. Три года подряд он премируется райсоветом за успешную работу по займам.

В издательстве «Искусство»

Коллектив издательства «Искусство» ведет подготовительную работу к проведению подписки на заем. Выделены докладчики на митингах, работники по оформлению подписки, составляются списки сотрудников, находящихся в отпуску, в командировках, и т. д. Работники издательства надеются с честью выполнить свой долг перед родиной.

Лагерь экспедиции на дрейфующей станции «Северный полюс».

В. П. ЧКАЛОВ

ИЗ КНИГИ «ТРИ ДНЯ В ВОЗДУХЕ»

1. КАК Я СТАЛ ЛЕТЧИКОМ

Если бы двадцать лет назад мне сказали, что я буду летать, я бы не поверил.

Детство мое прошло в небольшом селе на берегу Волги, называлось село — Василевский затон. Зимой здесь ремонтировались пароходы. В этом затоне работал мой отец, котельщик. Здесь начал работать и я. Мне было двенадцать лет.

Я помню себя здоровым, задорным мальчиком в старом отцовском пиджаке и в отцовских валенках. Лицо мое и руки покрыты густым слоем копоти.

Жили мы плохо, но я всегда был весел и жизнерадостен.

Я очень обрадовался, когда отец повел меня на работу. Вместе со мной работали и другие ребята — мои друзья. Я был первым среди них. Никто не мог так быстро, как я, переплыть Волгу, так подныривать под плоты или уцепиться за руль идущей полным ходом баржи.

В то время у нас в Василеве еще жив был обычай драться «стенкой». Бились на-кулачках и ребята.

Я был предводителем самой сильной в селе группы ребят. И «горские» и «базарские» ребята никогда не выдерживали наших кулаков.

Вместе с приятелями мы уезжали рыбачить на лодках, зимой катались на лыжах и санках. К 12 годам я был сильным и храбрым. Работа на затоне еще больше укрепила и закалила меня. Каждый день по 10—12 часов я поднимал и опускал тяжелый молот. Мои мускулы развились. Через год я уже работал кочегаром на камнечерпалке, а еще через год — на пассажирском пароходе «Баян».

В 17-м году мне было всего четырнадцать лет. И я окончил только сельскую школу. Трудно мне было разбираться в жизни. Но нашлись товарищи, от которых узнал я о партии большевиков, о Красной армии о гражданской войне.

В годы гражданской войны в Нижнем-Новгороде был расположен авиационный парк. Изредка над городом пролетал самолет. Услышав шум мотора, я забывал о дисциплине и выскакивал из кочегарки, где тогда работал. Черномазый, потный, следил я за исчезающим на горизонте самолетом.

Возвращаясь в свое «пекло», я мечтал о полете. И какой несбыточной казалась мне эта мечта!

Но осень 1919 года застала меня в приемной комнате штаба IV авиационного парка. Я пришел поступать в ряды Красной армии добровольцем. Мне шел в то время шестнадцатый год.

Целый год работал я в парке сборщиком самолетов. Это был год разочарований. Никто не собирался учить меня летать, всем было не до меня. Со всех сторон молодую республику окружали враги.

Наши летчики летали на устаревших, непрочных самолетах. Белогвардейцы же — на новеньких английских.

И все же наши голодные герои-летчики побеждали сытых, прекрасно вооруженных белогвардейцев.

Как мне хотелось летать вместе с нашими летчиками, как хотелось сразиться с врагами в воздухе! Но в то время на всю Россию была одна авиационная школа. Попасть в нее, да еще с моим сельским образованием, было невозможно. В годы гражданской войны я усиленно читал, беседовал со знакомыми летчиками и авиационными мотористами, постепенно готовился к школе.

И в 1921 году был наконец командирован в город Егорьевск в авиашколу. Называли мы ее очень смешно: «терка», что означало: теоретическая школа.

С какой жадностью принялся я за учение!

За первый год я несколько раз побывал в воздухе, и чувство полета стало для меня знакомым и близким.

15 апреля 1923 г. я уже был в числе учеников — летчиков Борисоглебской школы.

Сейчас для нашей молодежи широко открыты дороги, ведущие в воздух. Сотни школ и аэроклубов разбросаны по всей нашей стране.

Но в те годы, когда я учился, стать летчиком было трудно.

На всю жизнь запомнился день, когда я впервые полетел на самолете один.

В одно июльское утро наш суровый учитель — «бог», как мы его звали между собой, — неожиданно сказал мне:

— Приготовиться к самостоятельному полету.

Тот, кто сам испытал такую минуту, поймет, какое у меня было замечательное настроение.

Лететь одному, без инструктора!

Я приготовил машину к полету. Оторвался от земли, сделал две посадки и два под'ема — и все один, — поймите, один, без чьей-либо помощи. Летал я первый раз всего-навсего десять минут. Но летал неплохо. Инструктор крепко пожал мне руку.

С этого десятиминутного полета и начинается моя летная жизнь.

Скоро я окончил школу, и меня командировали в Серпуховскую школу летчиков. Здесь меня, рядового пилота, превратили в военного летчика. Я научился владеть не только самолетом, но и оружием, применяемым в воздушных боях.

Учился я хорошо. В награду меня отправили в московскую Высшую школу авиации. Искусство высшего пилотажа — «петли», «штопора», «перевороты» и другие сложные фигуры я постиг быстро.

В ноябре 1923 г. я стал настоящим, полноценным военным летчиком.

Валерий Чкалов. Рисунок с натуры А. Огорелкова.

2. ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ВОЗДУХЕ

Несколько лет я работал в авиачастях военных воздушных сил.

Налетав первые сотни часов, я вдруг заскучал: не захотелось уж мне больше летать в строю вместе с моими товарищами. Стоило больших трудов заставлять себя итти в строгом строю самолетов. Я ловил себя на желании неожиданно «пикнуть» * вниз к земле или сделать на глазах изумленных товарищей какую-нибудь замысловатую фигуру.

Часто я уходил самовольно в сторону от аэродрома и там «накручивал» одну фигуру за другой.

Мне нравилось выводить машину из штопора, делать резкие пике, неожиданно перевертывать самолет и лететь вниз головой. Я ставил себя и машину в трудные и рискованные положения.

Однажды в течение сорока минут я сделал двести пятьдесят «мертвых» петель.

Самым резким нарушением дисциплины был мой трюк, проделанный в Ленинграде. Я пролетел под Троицким мостом на обычном колесном самолете, едва не коснувшись колесами воды.

В другой раз, увидев два дерева, расстояние между которыми было меньше размаха крыльев, я поставил машину на ребро и проскочил между деревьями. Воздушная акробатика нравилась мне. Я думал, что это и есть риск, но только много позже, когда стал овладевать искусством испытания машин новых конструкций, я понял, что настоящий трезвый риск не имеет ничего общего с этаким лихачеством.

Да, надо приучать себя к смелости, уметь рисковать, если это необходимо, но в то же время надо щадить и себя и машины.

Летчики-испытатели — народ осторожный. И это естественно: стоит сделать одно неправильное движение — и машина разбита. А разбить опытную машину — значит свести на-нет многомесячную работу целого коллектива людей и погубить себя.

Конструктор ждет от летчика-испытателя правильной оценки машины.

Работа летчика-испытателя очень сложна. На чутье полагаться нельзя. Надо твердо знать и законы механики, и физические основы авиации, и сопротивление материалов, и многое другое.

Что значит — испытать новую машину?

Вот ее выводят на зеленое поле аэродрома. Летчик-испытатель сначала «рулит» по аэродрому и, прежде чем подняться в воздух, делает взлеты на метр-полтора от земли. Во время первого полета пилот совершает один-два круга над аэродромом. Затем машину тщательно осматривают и устраняют выяснившиеся в полете мелкие недостатки. После этого начинаются так называемые тренировочные полеты.

Я стал летчиком-испытателем. Тут я нашел себя.

Как испытателю, мне приходилось бывать во всяких переделках.

Однажды я испытывал самолет с убирающимися шасси. В полете при выдвижении шасси застряла его левая «нога». Случилось это оттого, что трос, который подтягивал шасси, ослаб и свернулся в петлю. Чтобы распутать эту петлю, пришлось «бросать» машину из стороны в сторону. Сорок минут выделывал я над аэродромом различные фокусы, пока, наконец, «нога» не была выдвинута.

Люди, стоявшие внизу, видели, что случилась беда, но были бессильны помочь мне. Я делал двойные перевороты, внезапно разворачивал машину то вправо, то влево, бросал ее колесами вверх. У меня темнело в глазах от усталости, но я попрежнему выделывал резкие, рискованные фигуры. Это был каскад самых разнообразных фигур, следовавших одна за другой без перерывов.

С земли эта воздушная акробатика выглядела наверное довольно странной. Но я добился своего. Швырнув машину с большой высоты, я так резко выравнял ее, что лоб мой коснулся колен. На мгновение я потерял сознание. Когда я пришел в себя, машина находилась в вертикальном положении, а застрявшая нога была выпущена. Я облегченно вздохнул. Взглянул на часы: оказывается, прошло сорок минут.

Зато я не только выпустил шасси, попутно испытал и самолет на прочность. Весь механизм под'ема шасси в этом самолете пришлось изменить.

В полете на опытных, новых машинах все может случиться. Нужно быть готовым каждую минуту встретить любой сюрприз и спокойно и быстро найти выход.

Еще один случай, тоже с шасси, был летом 1935 года. Я повел новый самолет на максимальной скорости. Легко убрал шасси, а когда стал выпускать, то увидел, что одна нога шасси застряла. Такое положение со мной уже бывало, и я спокойно стал искать причину невыхода шасси. Внимательно осмотрел я все свое «хозяйство». Оказалось, что раз'единило трос от стопора шасси. Надо искать выход.

Решение пришло как-то само собой. Набрав высоту в две тысячи метров, я освободил себя от ремней, бросил управление, нагнулся, нащупал зацепку, соединяющуюся с тросом, нажал на него ногой и с большим трудом выпустил шасси. Машина, предоставленная самой себе, стремительно падала вниз. Я успокоил машину и продолжал полет.

Как-то зимой, во время испытаний, у самолета оторвалась лыжа. Она вертелась вокруг своей оси. Я сделал несколько кругов, обдумывая положение. Надо было садиться с одной лыжей. Ничего больше не придумаешь. А лыжа вертелась, словно издеваясь надо мной.

Осторожно, на самой малой скорости, я посадил машину, во-время выключив мотор. Машина опрокинулась на спину, но осталась цела...

Вот что такое испытание самолетов! Ко всяким неожиданностям надо быть готовым летчику-испытателю. Но несмотря на опасности, моя работа очень нравилась мне.

* Пике — «пикнуть».

3. МЫ МЕЧТАЕМ О ДАЛЬНЕМ ПЕРЕЛЕТЕ

Во время работы над испытанием самолетов я близко познакомился со многими нашими конструкторами. Это передовые и высокообразованные люди. Сам я много читал и усиленно занимался. Мой авиационный кругозор значительно расширился. Мои полеты стали казаться мне обычными и простыми. Меня заинтересовали дальние перелеты, которые совершали иностранные летчики.

Как я взволновался, когда в 1927 году услышал о перелете Линдберга. Это был молодой летчик (ему было тогда, как и мне, всего 23 года). Линдберг вылетел утром из Нью-Йорка, летел целый день и ночь над Атлантическим океаном и на другой день прибыл в Париж.

— Вот это — прыжок! — восторгался я, искренно завидуя своему американскому собрату. — 5809 километров за 33 часа!

В этом же году американец Чемберлин перелетел океан и сделал посадку под Берлином: 6294 километра!

В 1928 году итальянцы Феррари и Дель Прэтэ пролетели без посадки из Рима в Южную Америку — 7188 километров.

В 1929 году французы Кост и Беллонт, вылетев из Парижа, достигли Цицикара (Манчжурия) — 7905 километров.

Целых два года этот рекорд не был побит. Два года думали мы, что Кост и Беллонт достигли предела.

Но в 1931 году американские летчики Бордман и Полланд проделали путь из Нью-Йорка до Стамбула — 8065 километров.

В те годы у нас не было еще подходящих для дальних перелетов машин.

Наконец в 1933 году французские летчики Кодос и Росси пролетели из Нью-Йорка в Райак (Сирия), покрыв 9104 километра за 70 часов без посадки.

Мы с моим молодым другом, летчиком-испытателем Георгием Байдуковым, мечтали о беспосадочном дальнем перелете. Ведь наша авиапромышленность уже в состоянии дать нам подходящий самолет, считали мы.

Мы встречались по вечерам и, как дети, мечтали о дальнем перелете. Мы часами обсуждали разные увлекательные маршруты. Больше всего нас прельщал Северный полюс.

Вместе с нами мечтал о дальнем перелете талантливый советский штурман и молодой ученый Александр Васильевич Беляков.

Мы мечтали и работали. Александр Васильевич Беляков читал лекции в Военно-Воздушной академии, руководил обучением большого «авиационного соединения», летал флаг-штурманом за границу.

Георгий Филиппович Байдуков летал в «хорошую» погоду. Хорошей он называл такую погоду, когда тучи или туман, непогода или шторм, пурга или непроглядная тьма закрывали земную поверхность. Мы называли Байдукова «богом» слепых полетов.

Я попрежнему кружился над аэродромом, изучая оттенки поведения новых машин. Сначала я в воздухе, а потом конструктора в лаборатории укрощали непокорную машину.

Мы побеждали.

Мы печатаем здесь первую главу из книги «Три дня в воздухе», написанную славными героями Советского Союза В. Чкаловым, Г. Байдуковым и А. Беляковым. Авторы рассказывают в ней о своем всемирно-известном полете по Сталинскому маршруту, совершенном ими в 1936 году на самолете «АНТ-25».

Книга выходит в ближайшие дни в Детиздате ЦК ВЛКСМ.

Г. КАЙТУКОВ

Лучшие сыновья

Чкалову, Байдукову, Белякову

Радость,
Ты глубже и шире морей,
Ты бездонна и велика.
Тесно сердцу в груди моей,
И мыслям тесна строка.

Вслед самолету устремлены
Взгляды в синий простор.
Мощен, как сердцебиенье страны,
Птицу несущий мотор.

Родина!
Красная птица твоя
Режет простор голубой.
Родина!
Любят тебя сыновья,
Выращенные тобой.

Красная птица их к цели несет,
Будет достигнута цель.
Бурю под крылья подмял самолет,
Преодолел мятель.

Тучи, туман ледяной высоты,
Все одолеть он смог.
Горы пред ним
Наклоняли хребты,
Расстоянья
Сжимались в комок.

Сон от меня в эту ночь увела
Радость своею рукой.
Но не нашел я строки,
Что могла
Подвиг прославить такой.

Родина!
Красная птица твоя
Режет простор голубой.
Родина,
Любят тебя сыновья,
Выращенные тобой.

К цели желанной летит, как вихрь,
Мчится вперед самолет.
Славу, отчизны
На крыльях своих,
Славу героев
Несет.

Родина!
Стол им накрой, как мать!
Полный бокал им налей!
Руки ты к ним протяни,
Чтоб обнять
Лучших своих сыновей!

Перевел с осетинского
Александр МИНИХ.

А. ЭРЛИХ

«Все в порядке»

«Все в порядке» — эти слова неизменно повторялись в каждой радиограмме с борта краснокрылого самолета «АНТ-25».

Позади остался материк; волны Баренцова моря сменились ледяными полями океана; полюс уходил в сторону под мощными облаками; стрелка магнитного компаса совершила полный оборот вокруг оси; самолет, не изменив направления, мчался уже не на север, а на юг, но попрежнему ослепительно сверкали полярные льды, и безмолвная арктическая пустыня простиралась под крыльями.

«Все в порядке» — одинаково рапортовали герои своей стране от пункта к пункту. Это значило, что наша техника выдерживает блестяще самые суровые испытания, что наши люди отмечены самыми высокими качествами победителей.

19 июня, в 11 часов 15 минут, Беляков радировал: «Все в порядке. Перехожу на связь с Америкой. Путевая скорость 200 километров в час. Рассчитываю быть в 10 часов 40 минут (по гринвичскому времени) над островом Патрика» — и с этих пор связь с самолетом была потеряна...

Все ли в порядке?

Миновал день. Томительно проходил вечер. Где находится самолет? Из Америки поступали радиограммы, в которых сообщалось, что правительственные организации, в том числе и военное министерство, уделяют много внимания налаживанию связи с воздушным гостем.

В квартирах настраивались радиоприемники.

— Говорит Москва. Радиостанция имени Коминтерна. Передаем последние известия...

Вот оно! Сию минуту снова прозвучат желанные слова: «Все в порядке».

Диктор читал, как готовился экипаж в славный полет. Диктор сообщил, что американские рации обслуживают героев Советского Союза сводками о погоде. Диктор об'явил:

— На этом заканчиваем передачу «Последних известий». Следующий выпуск слушайте в 23 часа. Передачу вел..

Где же самолет?

В 23 часа «Последние известия» перечисляли газеты всех стран мира, в которых на видном месте большими буквами публиковалось о перелете, величайшем по своему значению в истории культуры и техники. Можно было узнать, как оценивают перелет виднейшие летчики Западной Европы и Америки, но попрежнему неизвестным оставалось, в каких краях находятся Чкалов, Байдуков и Беляков, несущие с собой славу нашей родины по ту сторону «полюса неприступности».

Тогда мы решили ловить иностранные станции. Всеволновой радиоприемник рычал, гудел, свистел под нашими пальцами. Мы не задерживались долее нескольких секунд на всех станциях мира — всюду звучала музыка, а мы искали слов, речи, сообщений. Париж — скрипичный концерт Мендельсона, вой эфира, гудение фона; Берлин — саксофон, тарелки, труба — пронзительный свист, басовый гул; Будапешт — нечто брамсообразное, новый поворот регулятора — Милан, Ла-Скала...

И здесь мы услышали отрывок фразы по-итальянски — «... слушайте в антракте». Мы терпеливо дождались, когда смолкли тенора и сопрано в итальянской опере «Феодора» из русской жизни. Антракт. Человек из Милана развязным, конферирующим голосом сообщил, что сию минуту будет передаваться «атака националистов под Бильбао». «Глория! — сказал он. — Победа!».

И ошеломленные, мы в следующую секунду услышали рев пушек, разрывы немецких снарядов, захлебывающийся вой итальянских пулеметов. Каннибальская, фашистская сенсация. Омерзительная демонстрация зверя...

Поздно ночью связь с самолетом была восстановлена. Еще до появления утренних газет страна, ликуя, обменивалась новостью:

— Все в порядке. Летят над Канадой. Пересекают Скалистые горы. Выходят на побережье Тихого океана.

В те самые дни, когда фашистские самолеты расстреливают женщин и детей Испании, когда героические защитники своих домов, своих полей, своей свободы истекают кровью под натиском превосходящих во много раз сил фашистских интервентов, когда «цивилизованные» каннибалы услаждают слух свой ужасами далеких боев и разрушений, — в эти самые дни советский самолет прокладывает для человечества впервые в его истории кратчайший путь из Европы в Америку через Северный полюс.

«Все в порядке».

Какая выразительная характеристика двух противостоящих миров, — мира социализма и мира фашистской буржуазии!

В звериной ненависти к трудящимся всего мира одни готовы превратить в пепел и прах все завоевания человеческой культуры, лишь бы приостановить или только задержать неминуемый ход человеческой истории.

В великой, священной заботе о будущем всех трудящихся мы умножаем наши силы, наши культурные и материальные богатства, мы отвоевываем у природы одну неприступную позицию за другой, мы утверждаем за наукой все новые победы, мы движем человеческую историю к достойным, торжествующим вершинам коммунизма, свободы, культуры.

«Все в порядке».

Проклятием навеки отмечен будет в истории фашизм.

Вечную благодарность заслужит в поколениях наша страна, и неиссякаемую любовь будут возбуждать наши люди.

Северный полюс — самая суровая, самая недоступная часть земли — завоеван советскими людьми. Есть ли там жизнь? Теперь есть. Там живут четверо отважных советских людей. Чистик еще залетел туда, потом чайка. Потом первые жители Северного полюса услышали над собой, над густым, непроницаемым слоем облаков, шум мотора — советского мотора.

«Все в порядке».

Жизнь утвердилась над мертвыми просторами. Правительственная комиссия по организации беспосадочного перелета из Москвы в Соединенные Штаты Америки через Северный полюс заканчивает свое сообщение так:

«Исключительное искусство, большевистскую отвагу и мужество проявил прекрасный экипаж, выполнив поистине блестяще величайший в истории перелет, покорив самую суровую, труднейшую часть земного шара, открыв новую эру покорения человеком природы».

«Все в порядке».

Наша техника и наши люди выдержали историческое испытание. Это — блестяще прошедший экзамен нашей материальной и моральной мощи, которую не в силах подорвать самые заклятые враги — диверсанты и шпионы.

«АНТ-25» продемонстрировал высочайший уровень нашей авиационной культуры. Его экипаж — Чкалов, Байдуков и Беляков — достойные сыны своей родины, родины героев, которые приводят мир в восхищение своими победами, своим бесстрашием, своей выносливостью, своей настойчивостью — всеми этими качествами победителей, воспитанных партией Ленина—Сталина.

ЗАПИСКИ ГЕОРГИЯ БАЙДУКОВА

Записки Героя Советского Союза Георгия Байдукова, помещенные в №№ 4 и 5 журнала «Октябрь», не претендуют на последовательность изложения. Факты запечатлевались автором по мере того, как они воскресали в его памяти. Это — разрозненные эпизоды, наблюдения, зарисовки. Их писал не профессиональный литератор, а человек, который пожелал просто, не мудрствуя, не вдаваясь ни в какие психологические комментарии, зафиксировать отдельные моменты, приковавшие его внимание.

Но правда всегда действует неотразимо, хотя бы она была выражена и в несовершенной форме. А дневник Байдукова дает очень многое для постижения быта советских летчиков, их взаимоотношений, их внутреннего мира, природы их героизма, — словом, для познания той правды, которую пока еще не сумели убедительно отразить писатели, пишущие о красной авиации и ее людях.

За незначительными, на первый взгляд, фактами раскрывается образ Байдукова, его сильный характер, большевистское отношение к своему делу. Это не сразу пришло. Были свойственны будущему Герою Советского Союза и черты партизанщины, авиаухарства, летный «индивидуализм».

«Мой непокорный характер долго не поддавался, — признается автор записок. — Воспитание, которое я получил на степных озерах Сибири и на безлюдных полустанках Сибирской магистрали, давало себя знать. Дисциплинарные взыскания, «губа», наряды пока еще не оказывали на меня должного действия. Больше действовали уговоры своих же товарищей. Это куда серьезнее окриков или взысканий».

Но решительный перелом пришел после первой аварии, явившейся результатом озорства. Байдуков пересмотрел свое отношение к дисциплине. Он понял, как преступно бесцельно жертвовать народным достоянием и особенно жизнью, которая может оказаться нужной для более значительных дел.

Укреплению этих новых чувств в отважном летчике особенно содействовали личные встречи с товарищем Сталиным. Неизменно владеющий собой, даже когда он рассказывает об очень драматических обстоятельствах, — большое впечатление в этом смысле производит описание гибели самолета, совершившего вынужденную посадку на болото — Байдуков становится неузнаваемым, когда он говорит о великом вожде народов.

Стиль дневника отличается здесь искренной взволнованностью, каждое слово согрето той особенной нежностью, на которую так способны только мужественные сердца. Здесь записи Байдукова достигают и наибольшей художественной выразительности.

На недавней дискуссии о романе Панферова «Творчество» кто-то сказал, что по силе воздействия на читателя страницы романа, где фигурирует Сталин, уступают мемуарам Байдукова. Нам думается, что в этих словах нет преувеличения. Байдуков очень хорошо схватил и некоторые внешние особенности товарища Сталина, но особенно тепло он сумел оценить основные черты Сталина, как человека и вождя.

Байдукова при первой встрече с вождем больше всего поразило то, что, выслушав соображения о самолетах новой конструкции, Сталин все время допытывался об одном:

«А как этот самолет, не опасен ли при вынужденной посадке? Можно ли из него свободно выпрыгнуть с парашютом? Удобно ли экипажу работать?» И если получал отрицательный ответ, начинал спокойно, но весьма внушительно доказывать, что самолет, опасный для жизни, не есть советский самолет, что его нужно выбросить или переделать так, чтобы люди, — самый ценный капитал в жизни, — были окружены максимальными удобствами».

Эта же сталинская забота о человеке сквозила и в доводах, которые вождь народа привел в ответ на просьбу Чкалова, Байдукова и Белякова — разрешить им полет через Северный полюс.

Дело происходило в Сочи. Узнав о пребывании знаменитой тройки на курорте, Сталин, пригласил их с женами в гости. Молодежь пела, танцовала, развлекалась, все чувствовали себя, благодаря подкупающему гостеприимству хозяина, счастливыми и радостными. Чкалов и его товарищи не замедлили «воспользоваться» обстановкой, чтобы попытаться убедить товарища Сталина — дать согласие на полет через Северный полюс.

Но снова и снова им пришлось столкнуться со сталинскими аргументами, в которых государственная мудрость сочеталась с сердечной заботой о людях.

«Иосиф Виссарионович доказывал, что мы еще недостаточно изучили все материалы и что к этому делу нужно еще крепче подготовиться, что нужно как следует изучить метеорологические условия. Нужны еще метеостанции. С этим нельзя рисковать, нужно делать все без «авось», наверняка».

Георгий Байдуков. Рисунок А. Огорелкова.

Достоинство записей Байдукова в том, что автор почти никогда не говорит о своих чувствах, убеждениях, настроениях, но вместе с тем они не остаются загадкой для читателя. Последний улавливает интонации, которые сквозят во всех воспоминаниях о Чкалове и других отважных летчиках Советской страны. Такие интонации возможны только у того, кто умеет радоваться успехам своих друзей, товарищей по профессии, — черта, которой, например, так недостает многим советским писателям. Читатель убеждается от страницы к странице в том, что он имеет дело с **новым типом** человека, для которого нормы большевистского поведения это уже не результат логических построений — эти нормы вошли в кровь, в инстинкт, они становятся его природой.

С особенной силой ощущаем мы гордый патриотизм замечательного летчика. Это чувство сквозит в высказываниях Байдукова о великолепной будущности советской авиации, в характеристике быта гиляков, народа, который «вздохнул теперь полной грудью и зажил по-человечески», в впечатлениях, вынесенных из посещения международной авиационной выставки в Париже.

Сознание принадлежности к народу-победителю, народу, прокладывающему новые пути для человечества, отдающему все свои раскованные творческие силы делу культуры, интересам трудящихся, ни на минуту не покидает Байдукова. Это сознание и вдохновило его, совместно с его неразлучными друзьями — Чкаловым и Беляковым, на величайшие в истории человечества подвиги.

Я. РОЩИН.

Монументальный стиль социалистического реализма

Работы с'езда архитекторов сыграют важнейшую роль в жизни социалистической страны. Ни одно из искусств не связано у нас так близко с жизненными и бытовыми условиями народных масс, как зодчество.

На протяжении всей истории эксплоататорских обществ архитектурное искусство выполняло требования господствующих эксплоататорских классов. Зодчество служило феодалу, помещику, буржуа, удовлетворяло их вапросы, вкусы.

Два полюса — богатство и нищета, — рожденные эксплоататорскими общественными системами, делали архитектуру чуждой широким массам трудящихся. Гигантские архитектурные сооружения, замечательные памятники зодчества, построенные руками рабов, крепостных, рабочих, не предназначались для трудящихся. Строители и созидатели замечательных архитектурных творений жили в лачугах, хибарках, в «мерзких свиных хлевах», как писал Ф. Энгельс.

Революция пролетариата переселила массы трудящихся в барские особняки, в кварталы богатых.

Эпоха сталинских пятилеток, изменившая коренным образом экономический облик страны, воздвигшая грандиознейшие промышленные здания, двинула широко вперед создание архитектурных сооружений.

За это время советскими архитекторами создано немало изумительнейших строений, которые останутся в веках, как достойные сталинской эпохи памятники. Таковы реконструируемые кварталы и архитектурные ансамбли столицы трудящихся мира — Москвы, станции московского метрополитена, надводные постройки канала Волга — Москва, советский павильон на Международной выставке в Париже, проект московского Дворца Советов и т. д.

Задачи, поставленные перед архитекторами в докладах Алабяна, Колли, Щусева, были со всей большевистской страстностью обсуждены первым Всесоюзным с'ездом советских архитекторов.

В речи т. В. Я. Чубаря, приветствовавшего с'езд советских архитекторов от имени Центрального Комитета всесоюзной коммунистической партии большевиков и Совета народных комиссаров Союза ССР, со всей большевистской четкостью были определены задачи советской архитектуры, играющей такую значительную роль в деле социалистического строительства.

«Требования партии и правительства, — говорил т. В. Я. Чубарь, — к современному советскому архитектору и к архитектурной общественности могут быть сформулированы кратко: архитектор должен работать на уровне требований эпохи, итти нога в ногу с большевиками, партийными и непартийными, активно участвовать в социалистическом строительстве и не только давать архитектурное оформление сооружений, но и улучшать инженерно-строительное дело. Для этого нужно в первую очередь работать по-честному, добросовестно вгрызаться в существо каждого проекта и в его осуществлении активно бороться за наилучшее решение задачи. Честная работа в нашем понимании означает работу с отдачей **всех** знаний, **всего** энтузиазма, **всего** пыла на дело социалистического строительства».

Отвечает ли советская архитектура, несмотря на её значительные и несомненные достижения, тем высоким требованиям, которые были намечены в речи т. Чубаря? Стоит ли она на уровне требований эпохи? На эти вопросы в своих речах и выступлениях делегаты с'езда архитекторов дали совершенно исчерпывающий ответ.

Советская архитектура не отвечает еще тем требованиям, которые пред'являют ей партия, правительство, весь советский народ. Наша советская архитектура **отстает** от требований и задач эпохи сталинских пятилеток.

Советская архитектура еще не избавилась от многих болезней: формалистические выкрутасы, конструктивизм, беспредметные искания абстрактного архитектурного стиля, оторванного от интересов живого строителя социалистического общества. Ярким подтверждением этого факта явилось выступление архитектора Веснина, бывшего «идеолога» конструктивизма. Вместо критики своих конструктивистских позиций, архитектор Веснин пытался смазать свои собственные конструктивистские взгляды указаниями на широкое распространение конструктивистских принципов в советской архитектуре.

Выступавшие в прениях делегаты с'езда архитекторов соглашались с докладчиками, что только стиль социалистического реализма в архитектуре обеспечит разрешение тех задач, которые поставлены перед советскими архитекторами.

Разгромив формалистические, конструктивистские принципы, очистив свои ряды от троцкистских вредителей, явно издевательски строивших жилые дома на некоторых наших крупнейших заводах и стройках,—в Донбассе, в Западной Сибири, на Украине и т. д., советская архитектура пойдет более скорыми темпами к созданию монументального стиля социалистического реализма.

С'езд архитекторов выдвигает большие и ответственные задачи перед советскими литературными критиками и литературоведами.

Отдельные области нашего искусства живут самостоятельной и часто изолированной друг от друга жизнью. Литератор не всегда интересуется тем, что происходит в области скульптуры и живописи, актер незнаком с процессами, происходящими в архитектуре. Еще в большей степени это относится к критике отдельных областей искусств.

Вопросы стиля социалистического реализма, выражающего эпоху самой человечной в мире Конституции, героическое и радостное в жизни освобожденного человечества, не могут быть решены без учета тех процессов, которые протекают во всех областях советского искусства.

Писатель и архитектор, актер и художник, ваятель и композитор дышат одним воздухом нашего героического времени, живут одними интересами нашей великой эпохи. В их творчестве отражаются мысли и чувства советских народов, построивших социалистическое общество.

Черты складывающегося стиля социалистического реализма мы находим во всех областях советского искусства.

Эти процессы необходимо осмыслить критикам и литературоведам и создать работы о монументальном стиле социалистического реализма, которые помогут двинуть вперед литературу и живопись, музыку и архитектуру, скульптуру и театр.

Смотр советской архитектуры

На с'езде советских архитекторов

Первый Всесоюзный с'езд советских архитекторов явился крупнейшим событием в жизни нашей страны. Он превратился в замечательную «встречу» архитектурной общественности со всем народом, в широчайший смотр нашей архитектуры, ее достижений и недочетов.

На трибуне с'езда выступили представители партии и правительства— зам. председателя Совнаркома СССР тов. **В. Я. Чубарь**, председатель Госплана СССР тов. **Г. И. Смирнов**, от имени Наркомтяжпрома — нач. Главстройпрома тов. **В. С. Гинзбург**, от имени Моссовета — тов. **Н. А. Булганин**.

Делегация военно-инженерной академии им. Куйбышева приветствовала с'езд от имени Красной армии.

Советская общественность была многогранно представлена на трибуне с'езда делегациями крупнейших предприятий, всех отраслей советского искусства — литературы, театра, изобразительных искусств, вплоть до делегации советских педагогов и пионеров-школьников.

Это широчайшее представительство советской общественности на трибуне с'езда архитекторов отнюдь не носило только праздничного характера. Приветствуя с'езд, подчеркивая огромное значение архитектуры в нашей стране, ее несомненные достижения, представители правительства и советской общественности одновременно говорили прямую и суровую правду об ошибках и недочетах современной архитектурной практики.

Значение этих выступлений огромно. Они не только явились ярким контрастом к недостаточной самокритике на самом с'езде, но вылились в подлинный всенародный «плебисцит» о значении и задачах архитектуры в нашей стране.

Этот «счет», пред'явленный архитектуре, обнаружил полное единство требований, пред'являемых к ней со стороны партии, правительства и широчайших трудящихся масс.

Представители заводов на конкретном примере строительства и реконструкции этих заводов и жилищного строительства для рабочих, представители широкой общественности на своем опыте жилищного и иных видов массового строительства выдвигали именно те требования к архитектуре, которые нашли себе обобщенное выражение в программе действий, развернутой в выступлениях представителей правительства. Центральным требованием этой программы является служение народу, максимальная забота и удовлетворение потребностей человека.

Тов. **В. Я. Чубарь** указал, что об'ем строительных работ в третьей пятилетке увеличится по сравнению со второй пятилеткой наверняка не меньше, чем вдвое. Обращаясь к архитекторам, он сказал:

«Партия и правительство требуют, чтобы строили прочно, удобно, красиво и обязательно экономно».

★

Подлинная творческая солидарность всех искусств Советского Союза звучала в выступлениях на с'езде тт. **Меркурова** (от имени скульпторов), **Герасимова** (от имени художников) и **Мариэтты Шагинян**, приветствовавшей с'езд от имени союза советских писателей.

В тонкой и остроумной речи Мариэтта Шагинян обрисовала глубокую принципиальную связь, существующую между литературой и архитектурой.

«Архитектор, — говорила Мариэтта Шагинян, — дает в руки писателя самое мощное материальное средство художественной характеристики. Архитектура должна помочь нам конкретно охарактеризовать нового человека нашей эпохи, как и мы в свою очередь должны помочь ей в изучении реального бытия, вкусов, потребностей и навыков этого человека».

«Нам достаточно попадает от нашей критики, — продолжала далее Мариэтта Шагинян, — за то, что герои у нас целуются на тракторах, чуть ли не ночуют в учреждениях, живут в цеху, на полевом стане, и совершенно не видно, как они себя ведут дома. Эти упреки теснейшим образом связаны с теми упреками, которые могут быть сделаны вам, архитекторам».

В дальнейшем Мариэтта Шагинян подробно охарактеризовала нужный нам тип советского жилья, гармонически сочетающий индивидуальное и обобществленное начало.

★

Прямым и особо ценным продолжением докладов **К. С. Алабяна, Н. Я. Колли** и **А. В. Щусева**, об'единенных общей темой «О задачах советской архитектуры», явились содоклады представителей национальных республик. Они развернули яркую картину грандиозного строительства, **происходящего в этих республиках** на базе их хозяйственно-культурного под'ема.

Как ни молоды архитектурные кадры национальных республик, но они творчески крепнут благодаря их близости к живым источникам социалистической по содержанию и национальной по форме архитектуры— к национальным архитектурным памятникам и народному искусству.

Наиболее яркой страницей этого главного раздела работы с'езда были доклады авторов проекта Дворца советов **Б. М. Иофана**, акад. арх. **В. А. Щуко** и **проф. Г. В. Гельфрейха** и выступление главного инженера канала Москва—Волга т. **С. Я. Жука**. Эти сооружения представляют собой кристаллизацию положительного опыта советской архитектуры.

В этом отношении право на внимание сверх всякой повестки разделил с этими об'ектами на с'езде советский павильон Парижской выставки. Почти каждый выступавший на с'езде неизменно обращался к этому сооружению, как к образцу идейного решения архитектурного образа.

★

Вторым крупным разделом работы с'езда были доклады главных архитекторов Москвы и Ленинграда проф. **С. Е. Чернышева** и проф. **Л. А. Ильина** о реконструкции столиц Союза, планировке наших городов и о создании в них архитектурных ансамблей.

Ярким моментом в чрезвычайно оживленной с'ездовской дискуссии по вопросам градостроительства явилось выступление председателя Моссовета т. **Н. А. Булганина**.

В своем обширном докладе он дал отчет о ходе реализации сталинского плана реконструкции Москвы, показав, как постепенно вырастают куски новой Москвы на архитектурном теле старой Москвы.

★

24 июня с'езд приступил к третьему разделу своей работы, посвященному жилищному строительству. Доклад Г. А. Симонова и А. Г. Мордвинова об архитектурном образе советского жилого дома нашел себе органическое дополнение в докладе проф. **М. Я. Гинзбурга** об индустриализации жилищного строительства. Дело в том, что гигантская программа по жилищному строительству не может быть успешно выполнена вне индустриализации и типизации строительства, без широкого внедрения стандарта.

Центральное внимание в докладах и прениях было уделено той области жилищного строительства, которая до сих пор оттеснялась на второй план. Это область интерьера квартиры, ее оборудования и наиболее полного обеспечения потребностей человека и его культурно-бытовых удобств.

★

Повестка с'езда оказалась настолько насыщенной, что за недостатком времени ее пришлось разгрузить, передав доклады об архитектурном образовании и подготовке мастеров строительного дела в особую секцию.

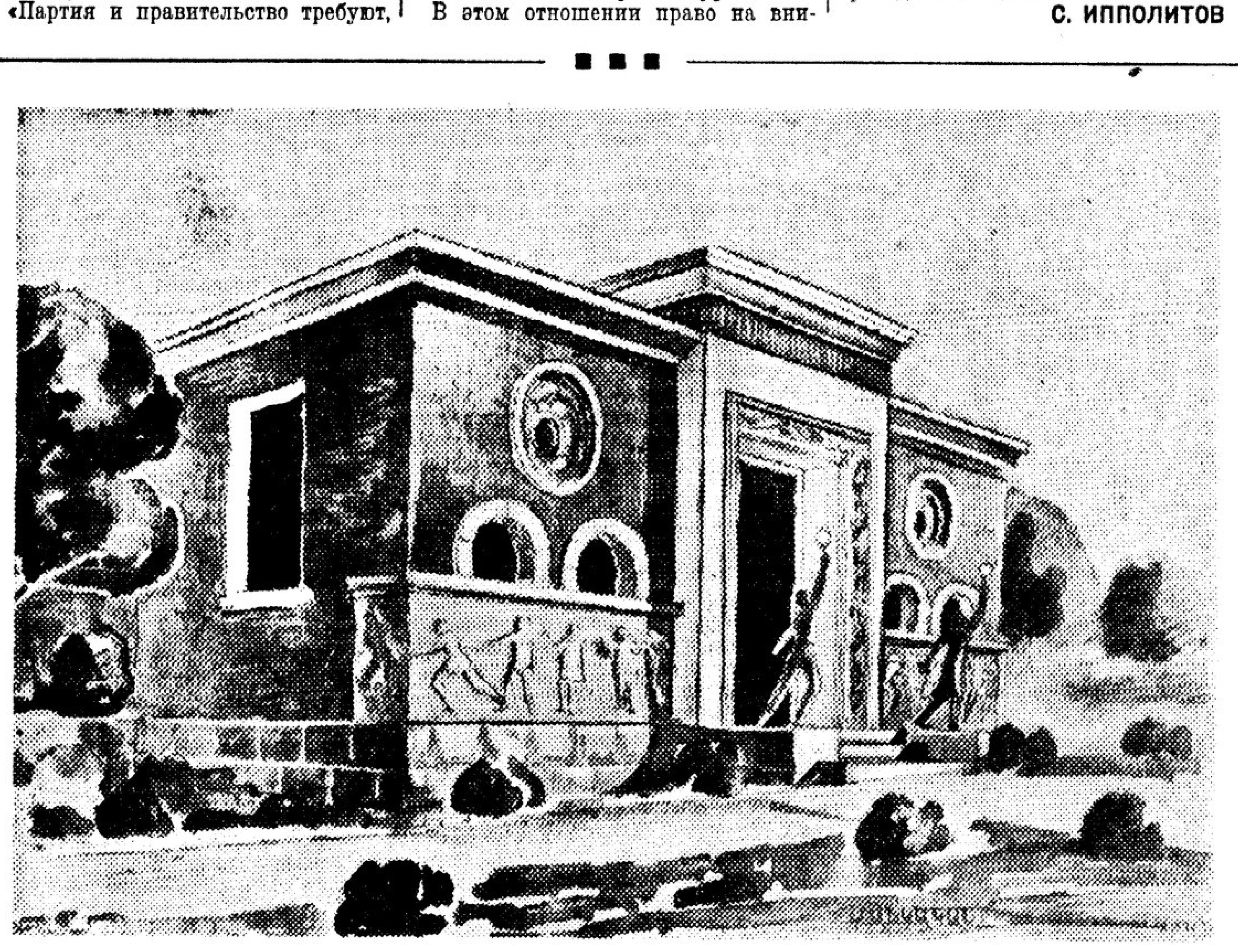
★

Значение с'езда выходит далеко за пределы нашей страны. И это было подчеркнуто выступлениями зарубежных гостей с'езда, виднейших иностранных архитекторов **Фр. Журдена, Райта, Лодса, Хейберга, Гаральда Хальса.**

Чувства зарубежных архитекторов ярко выразил Гаральд Хальс, заявивший:

— То, о чем мы мечтаем, вы уже проводите в жизнь.

С. ИППОЛИТОВ

Проект читальни в детском парке культуры и отдыха, строящемся в Ереване. Автор проекта — архитектор **М. Д. Мазманян.**

К XX ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЯ

Что готовят писатели Украины

В беседе с нашим корреспондентом драматурги, поэты и прозаики Советской Украины рассказали о том, как они работают над произведениями, посвященными двадцатилетию Великой пролетарской революции и гражданской войне.

— Я чувствую себя особенно обязанным перед читателем, так как последнее время новых книг не давал,— говорит **Аркадий Любченко.** — Могло создаться впечатление о несколько странном моем творческом затишье. Но это было бы обманчивое впечатление. Как раз в последнее время я очень много, напряженно работал, хотя случались помехи, тормозившие работу.

Я написал киносценарий для Украинфильма. Построен он на материале сегодняшнего Донбасса, в основу положено стахановское движение.

Но главная моя работа — это роман, который я вскоре закончу. В романе — тоже Донбасс, Донбасс, удивительно изменившийся, создавший замечательных людей нашего времени. Тщательному изучению Донбасса посвятил я последние годы, основное внимание и энергию отдал ему.

✸

— Я давно думал о Советской Молдавии, — говорит поэт **Яков Городской.** — Край цветущих садов, край огневых точек должен заговорить в поэзии. Тема обороны здесь получает особую конкретность.

К двадцатилетию я готовлю книгу стихов «Зеленый лист». Название взято из любимого повтора молдавской народной песни. Кроме моих стихов о Молдавии, в книгу войдут переводы из молдавских советских поэтов. До сих пор молдавские поэты совершенно незаслуженно не были известны за пределами своей республики. «Зеленый лист» для меня работа поэтически-принципиальная, как книга единого плана.

В этом году выйдет книга моих стихов «Июль». Это оборонная лирика: поэма «Площадь коммунаров» о гибели «61» в г. Николаеве и переводы из украинской, грузинской и еврейской поэзии.

Написал «Песню о Киеве». Музыка — композитора-орденоносца В. Я. Иориша.

✸

— Последние годы я работал над тремя книгами, — говорит еврейский поэт **Ицик Фефер.**

Недавно вышла книга «Сила», в которой семь циклов стихов: посвященные Биробиджану, баллады о гражданской войне, стихи о Германии и Испании, о «Челюскине» и два лирических цикла. Книга заключается стихотворениями о родине.

Вторая книга должна выйти на-днях. Это — антология украинской поэзии на еврейском языке. В нее вошли лучшие произведения украинских поэтов.

Заканчиваю поэму «Граница». События, развивающиеся в ней, происходят в пограничном местечке.

✸

К юбилейной годовщине Великой пролетарской революции писатель **Семен Скляренко** закончил новый роман «Дорога на Киев».

В романе показан путь от маленького местечка Унечи, где во времена гетманщины и немецкой оккупации организовывались повстанцы, до Киева. Этим путем прошли в 1918 году части полка, а позже бригады, легендарного героя Н. А. Щорса.

✸

— Победа закалившегося в боях коллектива, одиночество и гибель оторвавшихся от него — вот основная тема написанной мною к юбилею социалистической родины поэмы «В Царицын! В Царицын!» — рассказывает поэт **Ник. Ушаков.**

Поэма заканчивается первым окружением Царицына и августовским отходом белых от «Вердена на Волге».

Она входит в общий цикл уже напечатанных, готовящихся и задуманных мною стихотворных повестей и хроник о 1918 годе,

И. МАРКУС.

Киев.

В. ПЕРЦОВ

О книгах, вышедших десять лет тому назад

I

Поставленные рядом, одно около другого, многие произведения 1927—1928 годов помогают понять друг друга, и в свете истории одно как бы уличает другое. «Зависть» Юрия Олеши, «Братья» Федина — вещи, неравноценные в художественном отношении, появившиеся одна вслед за другой в этот период, по-разному долбят в одну точку: противоречие между личностью и социалистическим делом представляется авторам этих произведений фатальным и едва ли не гибельным для их героев.

Поэтическим памятником этой мрачной буржуазно-интеллигентской иллюзии в большей степени, чем какое-либо другое произведение, явилась «Зависть» Юрия Олеши. Читатель, вероятно, помнит, какую критическую вакханалию вызвала в свое время книга Олеши: об'ем о ней написанного едва ли не в десять раз превышает об'ем самой книги. Разбор критических статей о «Зависти» мог бы представить интерес, как пример слепоты значительной части критики, увлекшейся талантливостью произведения и не сумевшей разглядеть его прямой смысл. Роман давал поэтическое оформление чувствам обиды и зависти со стороны побежденных к классу-победителю, и через художественный образ Николая Кавалерова добивался признания законности этих чувств.

Николай Кавалеров чувствует себя угнетенным. Действительно, положение его незавидное. Но за что можно было бы поднимать, превозносить такого человека, как Кавалеров? Что он сделал для счастья людей? Может быть, он собирается что-то сделать, но ему не позволяют, не дают ему развернуться? Нет, он ничего не собирается делать, и в то же время он остро переживает чувство обиды за то, что его не признают. И свою претензию он расширяет, считая, что у нас выдающемуся человеку вообще нельзя себя проявить, что не только он, Кавалеров, угнетен, но вообще личность скована социализмом, что настоящей, естественной обстановкой для роста личности является не социализм, а капитализм.

«В нашей стране дороги славы заграждены шлагбаумами. Одаренный человек либо должен потускнеть, либо решиться на то, чтобы с большим скандалом поднять шлагбаум. Мне хочется... взять и сотворить что-нибудь явно нелепое, совершить какое-нибудь гениальное озорство и сказать потом: «Да, вот вы так, а я так». Выйти на площадь, сделать что-нибудь с собой и раскланяться: я жил, я сделал то, что хотел».

Вот о каком «росте» и утверждении личности мечтает Николай Кавалеров. Вряд ли смутился бы он, если бы ему напомнили, что его идеал самоутверждения был однажды осуществлен: томимый жаждой славы, Герострат сжег храм Дианы в Эфесе. С точки зрения Кавалерова важны ведь не результаты поступка, а пережитые человеком чувства. Стало быть, строитель храма Дианы и его поджигатель равноценны и с точки зрения той свободы личности, о которой мечтает Кавалеров. Личность, выражающая себя в поджоге, показывает свою силу ничуть не меньше той личности, которая выражает себя в строительстве. Не все ли равно—создавать заводы или бросать в них бомбы!

Олеша мог бы гордиться своей художественной проницательностью, предвосхитившей в образе Николая Кавалерова зарождение одного из тех гнусных типов человеконенавистника, из которых подготовлялись впоследствии кадры троцкистских бандитов; мог бы гордиться, если бы трактовал эту фигуру не в духе оправдания зависти, а в духе презрения к ней и возбуждения чувства бдительности. Жизнь вскрыла теперь то черное дело, которое формировало такие черные души, из'еденные обидой и завистью, литературным прообразом которых явилась душа Кавалерова: восстановление капитализма, возврат капиталистического рабства для трудящихся, торговля родиной в интересах фашистских палачей — таков политический смысл философии Кавалеровых в ее логическом развитии. Конечно, Олеша не представлял себе политическую эволюцию своего героя, хоть сколько-нибудь напоминающую человеконенавистнический путь троцкистов и, как советский писатель, он ужаснулся бы, если бы ему сказали, что его оправдание зависти Кавалерова к Андрею Бабичеву могло в чем-то перекликнуться с психологической стороной злодеяний Пятакова или Гамарника, могло питать художественно выраженными идеями и настроениями души этих морально опустошенных агентов фашизма.

Но разве теперь, в свете истории, этот об'ективный смысл романа «Зависть» не становится ясен каждому? И разве не поучительно об'ективное «перерастание» художественной защиты индивидуализма в идеологию буржуазной контрреволюции?

Униженными и оскорбленными в романе Олеши оказываются люди типа Кавалерова, на стороне которых якобы и человеческие чувства и сознание ценности человеческой личности. У Кавалерова растет злоба против Андрея Бабичева — строителя «Четвертака», злоба скрытая, но опасная.

И нужно сказать, что в трактовке Андрея Бабичева автор сделал все, чтобы лишить его обаяния, чтобы об'яснить и оправдать обиду и зависть Кавалерова. Трудно подыскать фигуру более неподходящую для воплощения идеи социалистического строительства, вдохновляемого любовью к людям, заботой о человеке, чем Андрей Бабичев.

Сцена, в которой Николай Кавалеров разыскивает Андрея Бабичева на постройке «Четвертака», в самом соотношении фигур заключает определенную символику подавления одного человека другим.

«Осталась только лестница. Я слышу уже голоса. Осталось одолеть только несколько ступенек...

Но происходит вот что. Я должен пригнуться, иначе меня сметет. Я пригибаюсь, хватаюсь руками за деревянную ступеньку. Он пролетает надо мной. Да, он пронесся по воздуху.

В диком ракурсе я увидел летящую в неподвижности фигуру — не лицо, только ноздри я увидел: две дыры, точно я смотрел снизу на монумент».

Чем оправданы страдания человека в «Зависти»? Вот бред или пьяные видения Кавалерова, раскрывающие то, что у него на уме:

«Кавалеров поднялся и полным отчаяния голосом закричал:

— Спасите его! Неужели вы допустите, чтоб машина убила человека?

Ответа не последовало.

— Мое место с ним! — сказал Кавалеров. — Учитель! Я умру с вами!

Но было уже поздно. Заячий вопль Ивана заставил его свалиться. Падая, увидел он Ивана, приколотого к стене иглой».

Разве в этой сцене выражено не то же самое настроение, которое так характерно для буржуазных «машиноборцев», считавших, что все зло в машине, а не в ее капиталистическом применении...

Оплакивая гибнущую человеческую личность, раздавленную «новым рабством машинизма», обезличенную делом, Олеша, как художник, не видел разницы между капитализмом и социализмом.

Трагедию личности, порождаемую строем частной собственности и совершенно несвойственную нашему строю, он автоматически пересадил из капитализма в социализм.

Мрачные настроения автора «Зависти» одно время были заразительными и вызывали подражания. В этом отношении характерна незаконченная повесть рано умершего писателя Виктора Дмитриева «К вопросу об индустриализации СССР». Само название звучит полемически. Дмитриев метался в самые противоположные стороны — то к толстовщине, то к техницизму, то восторженно-трагически порывался к пролетариату.

Его повесть «К вопросу об индустриализации» наряду с гимнами пятилетке пронизана тоской о несбыточном личном счастье, которое кажется ему несовместимым с работой на общую пользу. Герой этой повести проклинает несчастье труда и мечтает о счастье праздности. К чему строить заводы пятилетки, когда счастье состоит вовсе не в том, чтобы работать на них, а в том, чтобы освободить людей от работы; счастье — в жизни по своей воле, в досуге, в беспечности.

Утопический рай мелкобуржуазного ремесленничества манил Дмитриева и казался ему идеалом личной свободы. В уста одного из героев автор вложил полемическую речь, в которой выражен призыв бросить «неволю душных городов», выражен протест против «всего этого обилия вопящих, ревущих, скачущих машин». «Счастье и несчастье где-то вне, дальше, глубже. Они измеряются не числом автомобилей».

Вряд ли требуется спорить по существу с этой наивно-фальшивой по содержанию философией машиноборчества, под которой целиком подписался бы Николай Кавалеров из романа Олеши. Стоит, однако, напомнить, как в свое время оценивал, в связи с толстовским учением, подобную «любовь к людям» еще А. П. Чехов. В письме к А. С. Суворину от 27 марта 1894 г. он писал:

«...Расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса...».

На поверку выходит, что толстовско-вегетарианский или геростратовский шаблон лежит в основе необыкновенной оригинальности «творческих» личностей, выведенных в произведениях В. Дмитриева и Ю. Олеши.

II

В 1927 и 1928 гг. предстояло исключительное напряжение всех сил народа для выполнения первой сталинской пятилетки и в числе других задач немалые трудности возникали в том, чтобы целесообразно использовать старые кадры технической интеллигенции.

Первый пятилетний план представлял собой для этих кадров не только творческий экзамен, но и проверку готовности работать для построения социализма. Повидимому, этот запрос времени подсказал ряду писателей одну и ту же тему творческого проявления личности, которая по-разному, но одинаково болезненно звучала в «Зависти». Вариант этой темы встречаем мы и в романе Федина «Братья», вышедшем в 1928 году.

Андрей Старцев — герой фединского романа «Города и годы» говорил о себе в письме к любимой женщине:

«Недавно я хлопотал о каких-то бумагах. Мне задали вопрос: ваша профессия? Я не мог ответить. Мне вдруг пришло в голову: к какой профессии готовился я прежде? Я сбился, вышло глупо».

В «Братьях» Андрей Старцев появляется под именем Никиты Карева. Вместе с новым именем традиционный герой фединских романов обрел новые, вполне конкретные черты: теперь это уже не человек без профессии, напротив, это человек, поглощенный своей профессией.

После конца империалистической войны, пробираясь в свой родной Уральск, Никита Карев встречает в степи брата Ростислава, командующего большевистским отрядом. «Что ты там делал у немцев»? — спрашивает Никиту Ростислав.

«— Я попрежнему занимаюсь музыкой, писал симфонию...

— Писал симфонию? — простодушно воскликнул Ростислав. — Всю войну, четыре года? И больше ничего?

— Если хочешь — больше ничего,— отозвался Никита.

На мгновение в его голосе прозвучала заносчивая досада, но он почти тотчас же снисходительно и мягко улыбнулся:

— Если не считать, что я мучился, падал духом и поднимался, что я смотрел и слушал.

Он засмеялся, и вновь проскользнула в его смехе нотка горького превосходства над братом».

Это «горькое превосходство» над всеми окружающими Никита Карев проносит через весь роман. На чем же оно основано? Никита убежденно заявляет Ростиславу, что для него не существует политики, а есть только музыка.

Революция и гражданская война, с точки зрения Никиты, — только помехи для его занятий музыкой, и он мог бы повторить вслед за Архимедом слова, сказанные геометром древности римскому солдату: «Не трогай моих чертежей!».

И верно, вот что он говорит Ростиславу на прощанье, готовясь перейти через фронт:

«Уверяю тебя, я ничего не хочу и не могу делать, кроме своего дела. Я не могу отказаться от него. Иначе вся моя прошлая жизнь станет бессмысленной дурью! А мне сейчас кажется, что она наполнена таким значением!».

В чем же значение жизни для Никиты Карева? Повидимому, в том, чтобы выразить себя в музыке, утвердить свою личность посредством музыки, — скажем так, чтобы избежать простодушно-филистерской формулировки — «сделать себе имя». Архимед занимался геометрией, а Никита Карев — музыкой. Тем не менее Архимед, исследуя законы геометрии применял их, как известно, для обороны Сиракуз и был убит при взятии римлянами его родного города. А Никита Карев хочет породить некую музыку вообще, которая никому не служит и ничего не защищает. Что же это за музыка, каков смысл того художественного дела, во имя которого Никита Карев с такой убежденностью в своем превосходстве отпихивает от себя и белых, и красных? Что может дать людям художественный образ, вскормленный столь черствым творческим эгоизмом?

Как это ни странно, симфония, которую пишет Никита Карев, оказывается «созвучной» революции. Триумф каревской личности, выраженной в его симфонии, которая имела, по словам автора, огромный успех, оказывается триумфом революции в музыке. Здесь Федин либо покривил душой, либо хотел сказать: недаром, стало быть, Никита Карев чувствовал свое «горькое превосходство» над братом, ушедшим к большевикам. Стало быть, можно, отгородившись от бурь революции решоткой нотных иероглифов, создать образ революционной эпохи. Так получается в романе Федина. Разве не об этом говорит оценка симфонии Никиты Карева в статье авторитетного композитора, которую автор приводит в своем романе:

«В обстановке, почти исключавшей возможность занятий на рояле, Карев создал эту «симфонию-роман», запечатлевшую на себе все то великое, что принесла нам революция. Нужно иметь самообладание настоящего художника, чтобы, отрешившись от обыкновенного приятия жизни, в таких условиях увидеть высокий смысл совершившихся событий и творчески их выразить».

Если под отрешением от «обыкновенного приятия жизни» имеется в виду то, о чем Никита Карев говорил брату-большевику, ставя себя во имя музыки над белыми и красными, то странным и неправдоподобным представляется, как такой человек, ни черта не понявший в эпохе, мог «увидеть высокий смысл совершившихся событий и творчески их выразить».

С такими творческими «установками», как у Никиты Карева, нужно сидеть в башне из слоновой кости, а вовсе не претендовать на то, чтобы запечатлеть в своем творчестве «все то великое, что принесла нам революция». Как ни расплывчата эта характеристика, все-таки она обязывает автора так подготовить ее в развитии образа главного героя, чтобы она не упала на читателя, как снег на голову. Да ведь Никита Карев и не собирался вовсе запечатлеть в музыке то, к чему в жизни он не имел никакого отношения. — Оставьте меня в покое, не трогайте моих нот, — вот смысл его жизненной и творческой позиции. Герой более последователен, чем автор романа.

Заключительная часть романа называется «Утраты». К концу романа Никита Карев теряет всех близких ему людей, умирает его отец, рвет с ним старший брат, отвергает его любимая женщина, возмущенная его черствым себялюбием; освобождается из-под его очарования другая женщина, любившая Никиту Карева всю жизнь, оскорбленная тем, что он принизил ее как человека, превратив ее любовь в житейское удобство. Но, отдалившись от людей, с которыми его связывали личные отношения, Никита Карев не стал близким людям, с которыми его могла связать его симфония. Он остается совершенно одиноким наедине со своим творчеством.

«На одинокой покосившейся витрине была наклеена свежая афиша:

> **В ТРЕТИЙ РАЗ**
> **СИМФОНИЯ ОР. 17**
> **НИКИТЫ КАРЕВА**
> **Под управлением автора.**

— Опусы, еще раз опусы, — пробормотал Никита, отрываясь от витрины.

Да, может быть, только опусы становились его уделом на всю жизнь.

Мир отвергал Никиту Карева, чтобы принять. Обогащал одну его судьбу опытом несчастья и утрат в другой.

Ничто не повторится.

Но к Никите снова возвращается слух, и все становится как будто попрежнему: деревья в инее, хрустит снег, и кровь еще наполняет сердце.

Пусть так».

Странная апология творчества, которая звучит, как апология эгоизма в творчестве, как оправдание отрыва творчества от общественной жизни.

«Братья» Федина — холодная, черствая книга, как холоден и черств ее герой, воображающий, что устранившись от борьбы людей, он обретет себя и жизнь в искусстве. Нельзя поверить, что так думает ее автор. Но зачем тогда написана эта книга?

Встреча с писателями Северной Осетии

Группа североосетинских писателей, совершающих поездку по СССР, приехала в Москву во главе с председателем республиканского правления ССП Казбеком Бадоевым.

20 июня поэты и прозаики Северной Осетии встретились с работниками редакции «Литературной газеты».

Замредактора «Литгазеты» т. Н. Плиско в своем вступительном слове отметил, что состоявшиеся за последнее время встречи редакции с писателями Узбекистана (во время узбекской декады), Донбасса, Западной Сибири и др. расширили и закрепили связи редакции с различными отрядами великой советской литературы. Встреча с писателями Северной Осетии также даст свои положительные результаты.

Председатель Северо-осетинского союза советских писателей т. **Казбек Бадоев** познакомил собравшихся с состоянием современной осетинской художественной литературы, наследующей традиции лучших осетинских писателей прошлого, рассказал о творческой работе и планах писателей к двадцатилетию Великой пролетарской революции.

Первые литературные произведения появились в Северной Осетии в 60-х годах прошлого столетия. Но большая часть из них не печаталась и до народных масс не доходила.

В девяностых годах, несмотря на все старания царского правительства подавить проявление малейших признаков национальной культуры, в мрачный для горских народов период, раздался в Осетии мощный призывный голос замечательного поэта, беззаветного борца за свободу трудового народа — Коста Хетагурова.

Тогда же выступили со своими произведениями поэт Кубалов, прозаик Коцоев, Цомык Гадиев и другие.

В советское время вместе с бурным экономическим и культурным ростом осетинского народа быстро растет и его литература.

Правда, на первых порах сильно было влияние буржуазно-националистических элементов в литературе, об'единенных в организации «Маласаг» и «Зиу».

Осколки разбитого классового врага — буржуазные националисты вкупе с троцкистскими бандитами—одно время занимали руководящее положение в союзе писателей. Они использовали почетное звание писателя для диверсионно-вредительских целей, в частности всячески тормозили и задерживали рост молодых писателей. Из союза писателей были изгнаны троцкистские бандиты Фарнион, Кудзаг Дзесов, буржуазный националист, ныне осужденный враг народа Сармат Косирати и белобандит Болаев (Кубатиев), который после разоблачения его перебрался в Южную Осетию и пытается работать там.

Писатели, приехавшие в Москву, в большинстве своем — молодежь, получившая образование в советских вузах и вступившая в литературу в послеоктябрьский период. Таковы **Дабе Мамсуров** — поэт и прозаик, поэты **Георгий Кайтуков, Харитон Плиев, Гриш Плиев**, поэт казак **А. Исаков**, песни которого широко известны и поются в казачьих станицах и колхозах, **А. Гулуев** и др.

Союз североосетинских писателей готовит к двадцатилетию Великой социалистической революции сборник очерков о хозяйственно-культурном строительстве Северо-Осетинской автономной республики.

Гости из Северной Осетии с горечью отмечают весьма слабое знакомство русских писателей с литературой Осетии и низкое качество переводов на русский язык.

Поэт **А. Исаков** рассказал о возмутительном отношении к нему Музгиза, который, издав большим тиражом две его песни ,не удосужился не только выплатить автору гонорар, но даже упомянуть его фамилию.

Недостаточно активное участие принимают писатели Северной Осетии и их союз в собирании и разработке осетинского фольклора, который до сих пор остается совершенно неизвестным другим народам СССР.

Поэт **Г. Кайтуков** поднял вопрос и о необходимости более широкого ознакомления советского читателя с творчеством основоположника осетинского литературного языка, замечательного поэта Коста Хетагурова.

Писатели Северной Осетии обещали установить постоянную творческую связь с «Литературной газетой».

ЗОРИН.

В. КИРПОТИН

Поэзия Фрика

Правительство Советской Армении приняло решение об издании сочинений Фрика.

Фрик является самой интересной фигурой в армянской средневековой поэзии. Он открывает в ее истории новый период. Поэтическая сила и социальная значимость его творчества придают произведениям Фрика значение замечательного памятника мировой культуры.

Фрик жил в XIII веке. Он был свидетелем жестокого и опустошительного господства монголов, уничтожавших независимость страны и подорвавших ее блестящую для того времени культуру, перебивших много жителей, многих обративших в рабство.

Биография его почти неизвестна. О нем сохранились самые скудные сведения, извлеченные из его же стихов. Самые стихи его, рассеянные по различным архивохранилищам всего мира, еще не изданы полностью.

Во всяком случае, по всему видно, что Фрик не принадлежал к сословию ученых монахов, как известные нам предшествующие поэты Армении. Он вел мирскую жизнь, имел семью, детей. Нашествие монголов или другие обстоятельства ввергли его в нищету. Сын его исчез, может быть, уведенный в рабство, а может быть просто погибнув неизвестным образом в трагических событиях эпохи. Фрик долго странствовал из области в область, из страны в страну в тщетных поисках пропавшего сына.

Каково бы ни было происхождение Фрика, он узнал горечь жизни бедняка, он на собственной шкуре испытал положение социальных низов. В его произведениях есть черты взглядов бедняка, есть сознание острых социальных противоречий:

Один — потомственный богач,
Другим — в наследство нищета.
У одного табун скота,
Другому ни овцы, хоть плачь...
Одним порфира и виссон,
Другому хоть бы шерсти клок.
Рубахи нет у бедняка,
Богач парчевый шьет наряд,
Он и в неправой тяжбе прав,
Бедняк и в правой виноват.
Один от слез людских жирен,
Другому — кости нищеты....
Где счастье на земле найти?
Довольство где мне здесь найти?

(перевод В. Эрлиха).

Поэзия Фрика ломает тематику поэтов религиозных, поэтов князей церкви. Тематика религиозной поэзии была определена кругом событий и кругом идей канонических книг. В ее торжественных и пышных славословиях, обращенных к богу, было много презрения к земной жизни, равнодушия к страданиям бедняка, осуждения «греховной» природы человека, стремящегося к материальному счастью. Как и евангелие, эта поэзия учила, что несчастье и страдание есть вернейший путь к загробному блаженству.

Конечно, и религиозная поэзия, созданная в среде господствующих классов, находила доступ к народу. Народ был религиозен. Страдая и от иноземных завоевателей и от собственных господствующих классов, он находил тогда единственное утешение в картинах призрачного загробного блаженства и призрачной загробной справедливости. Фрик также находился под властью религиозного мировоззрения.

В то отдаленное время освободиться от него было не так-то легко. Но все же его поэзия носит совершенно другой характер, чем поэзия школы «Шараканов» (религиозных песнопевцев). Страстно и потрясенно выливает он в стихах впечатления современной ему действительности. В его обращениях к богу звучит голос гневного обвинения, голос богоборца, сомневающегося в традиционных догматах церкви и отвергающего учение о так называемом благом промысле божием.

Зло, господствующее на земле, монгольский погром ,социальная несправедливость наполняют стихотворения Фрика протестом и злобой, голос его звучит богохульством с точки зрения церковной ортодоксии. Фрик обращается к «Колесу судьбы»:

Ах, колесо! Злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать об'едки за чужим столом.
Ты в рыцари выводишь тех, кому б сидеть в хлеву свином,
Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.
Скажи: «Ты не права, судьба!» и смех услышишь без конца.
За что ученых гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь до венца,
И шлешь по горам и полям бродить за хлебом мудреца,
Теперь еще труднее нам, когда татарин сел на трон,
Всех обделил он и воров поставил господами он.

Судьба отвечает поэту:

...Величит бог как бедняка, так и царя,
Хотя судьба, но вот тебе дать ничего не в праве я!
Бог повелит — ты будешь царь, я посажу тебя в чертог,
Бог не велит — и будешь ты скитаться нищим вдоль дорог.

Перед таким аргументом поэт вынужден умолкнуть, но в его внешней покорности звучит осуждение и скрытый бунт:

Судьба, я замолкаю: все прекрасно, что дозволил бог,
Но, нашим по грехам, порой — армянский к ним создатель строг.

(перевод В. Брюсова).

Замечательно, что Фрик не делает виновником всех зол иноплеменника-завоевателя. Он говорит: «Теперь еще труднее нам, когда татарин сел на трон», — значит, трудно было и без татар (монголов), трудно было от своих внутренних владык и своих внутренних социальных несправедливостей.

Фрик не может окончательно освободиться от веры в бога, но он не верит в справедливого церковного бога, он восстает против него, он обвиняет его. Поэзия Фрика горестна, сурова, проста, реалистична. Фрик порвал с традициями ученой церковно-схоластической поэзии, которая и по языку удалилась от народа.

Литературным армянским языком считался «грапар» — тот язык, на котором армяне говорили во время принятия христианства и перевода библии на армянский язык. За много веков, истекших с тех пор, изменился армянский язык. Фрик писал на разговорном языке своего времени, и в этом отношении также порвал с литературными традициями, демократизировал литературу.

Буржуазные армянские литературоведы оставляли поэзию Фрика в тени. Они выдвигали на первый план эпикурейскую и эротическую поэзию последующих писателей, представителей господствующих классов. Меж тем поэзия Фрика замечательна не только по своей художественной силе, она—первое проявление демократических начал в писаной армянской литературе.

Юбилейная выставка И. Чавчавадзе в Тбилиси

В начале июня в Тбилиси открылась грандиозная выставка, посвященная жизни и деятельности И. Чавчавадзе.

Трудящиеся Тбилиси проявляют к выставке живейший интерес. В течение первых двух дней ее существования выставку посетило около трех тысяч человек.

Материалы, собранные на выставке, освещают не только биографию и творчество великого поэта, но и социально экономическую обстановку того времени и место, которое занимал в ней И. Чавчавадзе.

■ ■ ■

Осетинские писатели в Москве. Слева направо: **Харитон Плиев, Гриш Плиев, Дабе Мамсуров, Георгий Кайтуков, Андрей Гулуев, Казбек Бадоев и Андрей Исаков.**

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

Троцкистская группировка «Перевал»

Советская критика на протяжении ряда лет вела упорную и решительную борьбу с воронщиной как с литературной агентурой троцкизма. Но, как показывают факты и события последнего времени, эта разоблачительная работа еще не доведена до конца. Литературная агентура троцкизма — Воронский, Авербах и остатки враждебных элементов, действовавших на литературном фронте, лишь сейчас выкорчевываются окончательно, и чем основательнее это будет проделано, тем чище и сплоченнее станут ряды советского писательства.

Советской литературе воронщина и авербаховщина нанесли немалый вред. На протяжении длительного времени заклятые враги народа — Воронский, Ив. Катаев вместе с группой своих «идеологов» — Горбовым, А. Лежневым, Пакентрейгером и др.. систематически разлагали и развращали некоторые группы советских писателей. Литературно-политические установки «воронщиков-перевальцев» были от начала до конца вредительскими, резко направленными против интересов и целей советской социалистической литературы.

Главарь и вдохновитель фашистских убийц и шпионов — Троцкий отрицал возможность построения социализма в одной стране, в СССР. Отсюда вытекал и другой «тезис» троцкистов — о невозможности создания пролетарской социалистической культуры. В «деятельности» Воронского это были основные установки. Его выступления заключались именно в этой борьбе против растущей пролетарской культуры, которую Воронский отвергал, вслед за своим главарем Троцким утверждая, что творцом искусства должна быть буржуазная интеллигенция.

Капиталистическая реставрация в искусстве — вот к чему стремилась воронщина. Борьба против социализма и социалистической литературы шла по всем линиям — и творческой и литературно-политической. Преследовалась одна цель — увести советскую литературу в лоно буржуазной идеологии, свести советских писателей с правильного большевистского пути.

Воронщина — это агентура и троцкистов и правых в литературе. Фашист Троцкий говорил об иррациональности творческого процесса. То же утверждал и его союзник Бухарин («искусство — это есть систематизация чувств в образах»). Воронский — Горбов — А. Лежнев усиленно развивали этот тезис, насквозь враждебный марксизму—ленинизму, противопоставляя чувство — мысли.

«Тайна искусства, — писал Воронский, — в воспроизведении самых первоначальных и непосредственных ощущений и впечатлений». Или: «искусству нельзя верить, если не поглупеть, не стать на время невежественным, если не признать самых необычайных вещей». Отрицание роли мысли, сознания, мировоззрения в искусстве не менее отчетливо формулировал и другой «теоретик» перевальцев, троцкист Горбов, утверждая, что «ведению художника подлежит только область чувств и эмоций общественного человека, но **не подлежит** область мыслей, идей и понятий социального суб'екта».

Буржуазно-реставраторский смысл этих утверждений совершенно очевиден. Противопоставление области чувств мыслям, дискредитация роли сознания в искусстве — все это было формой борьбы троцкистов в литературе против большевистского, социалистического мировоззрения. Необходимость культурно-политического роста писателя, задача овладения культурными ценностями и достижениями, накопленными человечеством, также отрицалась контрреволюционными троцкистскими идеологами.

Ведя борьбу против революционной политической направленности советской литературы, троцкистская вредительская «школа» воронщиков ополчалась на социально-политические тенденции, проводимые советскими писателями в своем творчестве.

«Нужно отдать себе отчет, — писал Горбов, — в исключительно конкретном, образном по существу, чуждом всякой тенденции «первобытном мышлении художника». Эту контрреволюционную формулу троцкист Горбов считает «обязательной для всякого художника — любых времен и классов».

«Теории» Воронского, Авербаха представляли чудовищную окрошку неокантианских взглядов Маха, Бергсона, Фрейда и вульгарного социологизма родственной ей переверзевщины, они наследовали самые худшие, самые реакционные стороны идеалистических учений об искусстве. «Перевальцы» и авербаховцы пытались направить развитие советской литературы по пути буржуазно-капиталистической идеологии, разлагая и развращая отдельные группы литераторов.

Через все писания троцкистских агентов в литературе настойчиво проводилась мысль о противоположности искусства и политики, о том, что искусству и художникам принципиально не нужна тесная и органическая связь с революционной действительностью. Горбов писал, что «как особый (именно образный) вид бытия общественной действительности искусство **не нуждается** в сращивании с этой действительностью, в установлении связей с ней».

Эта установка вместе с другими преследовала только одну цель — отвлечь внимание писателей от современности, от художественного изображения практики победившего социализма. Всеми способами и средствами троцкисты-перевальцы стремились убедить советских писателей в том, что революционная современность не может и не должна быть основным содержанием и ведущей темой советской литературы. В этом именно и заключалась одна из сторон вредительской деятельности воронщины.

Из троцкистско-бухаринского положения об интуитивизме и полной бессознательности творческого процесса, из отрицания классового характера идеологии вообще и искусства в частности вытекало и другое основное положение воронщины, сводившееся к отрицанию классовой борьбы в литературе.

Исходя из теории «непосредственных впечатлений», Воронский писал: «диференциация между художниками должна пойти по линии — дает ли его произведение впечатление самостоятельной данности мира и людей или не дает». Не идейно-художественная и социальная значительность произведения определяет место художника в истории классовой борьбы, а якобы «бескорыстие» и политическая «незаинтересованность» художника, отрешенного от социальной жизни, является, по воронскому, основой диференциации литературных сил.

Эту «мысль» развивает дальше соратник Воронского Горбов. То, что у Воронского более или менее замаскировано, то у Горбова договаривается до конца. Отрицая роль большевистского сознания в искусстве, отрывая искусство от жизни и подчеркнуто противопоставляя его политике, Горбов — закономерно и в пределах своей вредительской методологии последовательно — рассматривает литературу как единый **внеклассовый** поток.

Больше того. Ежели общим законом для художников всех времен и классов является бессознательность творческого процесса, если искусство **принципиально** чуждо всякой политической тенденции, то нет никакой разницы между писателями пролетарскими и писателями белогвардейскими.

Это чудовищное, бредовое утверждение, могущее возникнуть только в голове врага, Горбов так и формулирует всеми буквами. «Пролетарских писателей, — пишет он, — и «махровых белогвардейцев» я, в качестве литературного критика, **обязан судить одинаково:** с точки зрения того, какие задачи они ставят в своем творчестве, а отнюдь не на основе того, как они относятся к советской власти, потому что с «идеологией» в беллетристической форме критику делать нечего: его занимает образное выражение эпохи».

«Выключение» идеологии большевистского мировоззрения из искусства сформулировано здесь с исчерпывающей ясностью. Насквозь клеветническое сопоставление пролетарских советских писателей с их непримиримыми врагами тоже не требует особых комментариев. Все эти «тезисы» — звенья единой цепи, разные стороны единой системы литературной агентуры троцкизма, которая в течение ряда лет вредила и пыталась затормозить успешный ход и развитие советской литературы.

Следует остановиться еще на двух положениях «школы» вредителя Воронского и его соратников, на лозунге о «трагедийности искусства» и «нового гуманизма». Лозунг «трагедийности искусства» был выдвинут и разработан А. Лежневым (в предисловии к седьмому перевальскому сборнику «Ровесники»), и как ни старался А. Лежнев спрятать концы в воду, троцкистский характер этого лозунга совершенно очевиден. Смысл его и цель заключались в том, чтобы «отпугнуть», отвлечь советского писателя от революционной тематики, от мировоззрения и практики революционного пролетариата.

Трагическим для художника является, по Лежневу, не отрыв от действительности, а, напротив, **связь** с действительностью, с политической жизнью и классовой борьбой. Трагическим для художника об'являлось не то обстоятельство, что в силу своего недостаточно высокого идейного уровня тот или иной писатель не мог правдиво изобразить великую эпоху пролетарской революции, а напротив — стремление писателя к революционной тематике. Как трагическое для художника, утверждалось его стремление уйти от некоторых «непосредственных впечатлений» типично буржуазного, реакционного свойства, столь милого и привлекательного для всех реставраторов.

Короче говоря, под ширмой «трагедийности» А. Лежнев, Горбов и др. воронщики хотят внушить писателю клеветническую мысль о том, что искусство и революция находятся в непримиримом «трагическом» конфликте. Так отравляла «школа» Воронского сознание писателя.

То же самое надо сказать о другом троцкистско-бухаринском лозунге перевальцев, лозунге «нового гуманизма».

Лозунг этот был выдвинут перевальцами в реконструктивный период, когда шло усиленное развертывание колхозного движения на основе ликвидации кулачества как класса, когда обострилась классовая борьба в стране. Лозунг «нового гуманизма» также был идеологической формой сопротивления остатков капиталистических элементов наступающему и побеждающему социализму.

Написанная в духе этого лозунга повесть «Молоко» Ивана Катаева, врага народа, откровенно проповедывала жалость к врагам, к тем, кто осмеливался поднять руку на завоевания Великой пролетарской революции. Вредительские, реставраторские «теории» Бухарина о «врастании кулака в социализм» — таково «идейное» содержание этой повести, встреченной тогда же в штыки коммунистической критикой.

Реакционные теории «Перевала» отразились в произведениях ряда писателей, входивших в эту литературно-политическую группировку. И для всех этих литераторов применение в своем творчестве рецептов контрреволюционной воронщины дало свои печальные и очень скверные плоды, дало произведения лживые, клеветнические, враждебные социализму и советской литературе.

Теория «непосредственных впечатлений» и другие перевальские установки характеризуют повесть П. Слетова «Мастерство».

Повесть «перевальца» Ник. Зарудина «В народном лесу», где дано совершенно искаженное и враждебное изображение жизни и людей советской деревни, — пример враждебной троцкистской методологии «Перевала».

Не случайно и то, что контрреволюционная повесть Б. Пильняка «Повесть о непогашенной луне» была написана по вредительской указке и совету Воронского. Троцкистская книга А. Платонова «Макар — карающая рука» также могла быть написана только литератором, входившим в «Перевал» и «творившим» в его отравленной атмосфере.

Группа «Перевал» враждовала с РАПП. РАПП, как организация пролетарских писателей, в первые периоды своего существования вела борьбу с троцкистскими установками воронщины «Перевала». Но в самом РАПП была группа троцкистских диверсантов (Лелевич, Горбачев, Вардин, Авербах), которые, маскируясь криками о воронщине, проводили в своих лозунгах троцкистские взгляды.

Не Авербах и его соратники, а лучшие кадры писателей-коммунистов, партийные и советские люди, партийная печать, «Правда» вели борьбу против троцкистской авербаховщины и воронщины, вредительствовавших в литературе.

Враждебные установки «Перевала» отразились в творчестве некоторых писателей, и не входивших в «Перевал». Теория «непосредственных впечатлений», пропагандировавшаяся в те годы Ю. Либединским, легла в основу его гнилого романа «Рождение героя», «Родня» и «Бывший герой» Мих. Чумандрина целиком отразили троцкистские установки воронщины.

В группу «Перевал» входил ряд советских писателей. Но лучшие из них, убедившись в непримиримой враждебности воронщины принципам и духу советской литературы, ушли из «Перевала», и многое им пришлось еще преодолевать в своем последующем творчестве, чтобы освободиться от классово враждебной методологии воронщины—горбовщины, принесшей им столько вреда.

Не случайным, а вполне закономерным и естественным является тот факт, что следовавшие в своем творчестве указаниям врага народа Воронского «перевальцы» не выдвинули ни одного популярного писательского имени, что литераторы, входившие в «Перевал», не создали и не могли создать ни одного значительного произведения. Это — лучшее доказательство того, что настоящие, правдивые произведения искусства могут создать только писатели, тесно и органически связанные с народом, с рабочим классом, с его борьбой за социализм.

То, что было написано писателями, составлявшими долгое время основное ядро «Перевала», характеризуется прежде всего тем, что это произведения лживые, построенные на клеветническом, искаженном изображении действительности. Антинародные по существу, они и в литературном отношении были произведениями слабыми, худосочными, неталантливыми, ибо нарушение правды (жизненной и художественной) всегда и жестоко мстит за себя.

Писали «теоретики» перевальцы и о Горьком. Огромное возмущение вызывает грязная клеветническая книжка Горбова о литературно-политическом и творческом пути великого пролетарского писателя. Она не только повторяет установки вульгарно-социологической меньшевистской «теории» Переверзева, с которой троцкистская воронщина находится по всем вопросам искусства в ближайшем родстве, но Горбов еще и по-своему, дополнительно, пытается дискредитировать творчество М. Горького.

По определению Горбова (как и по определению Авербаха и К°), Горький был не пролетарским писателем, а представителем «трудового (не умственного, не интеллигентского) и пролетаризирующегося мещанства». Горбов, исходя из контрреволюционно-троцкистского отрицания пролетарской социалистической культуры, не хотел видеть в Горьком основоположника и родоначальника литературы социалистического реализма. Наглой троцкистской клеветой пронизана эта горбовская «теоретическая работа», представляющая собой типичный пример «критики» Горького со стороны классового врага.

Воронщина — авербаховщина нанесли не малый вред советской литературе, творчески и политически искалечили и погубили не одного писателя, когда-либо испытавшего на себе влияние «творческой методологии» и установок этих врагов народа. «Теория и практика» воронщины как будто в основном разоблачены, но напрасно думать, что с ними уже покончено навсегда. Враг маскируется умно и хитро, придумывая разнообразные способы и формы своей деятельности на литературном фронте, и об этом следует твердо помнить советской коммунистической критике.

Л. КОН

«Голубая чашка»

В нашей детской литературе установилась за последнее время милая традиция показывать детям взрослых исключительно в привлекательном виде.

Мамы и папы улыбаются детям, учительницы ласково журят их, и все они мягко, но настойчиво ведут ребят «к познанию блага».

Книжки Гайдара всегда имели тенденцию нарушить эту традицию.

Но все же у Гайдара дети заслоняли собой взрослых. Взрослые выходили какими-то тусклыми. И для того, чтобы придать им блеск, чтобы влить в них жизнь, Гайдару приходилось показывать их в какой-то исключительной романтической ситуации.

«Голубая чашка» — это первая книга Гайдара о повседневной жизни, о быте советской семьи. Гайдар нарисовал счастливую хорошую семью. Отец и мать когда-то встретились на гражданском фронте и с тех пор не расставались. Они любят и уважают друг друга и свою маленькую дочку Светлану.

Но мать и отец Светланы — люди совершенно разные, и их чувства к ребенку проявляются тоже по-разному.

Отец, играя с девочкой, сам превращается в большого ребенка, и ему часто вместе с дочкой достается от матери за баловство.

«Посмотри-ка, папа, — говорит Светлана отцу, когда они, сидя на крыше, приколачивают вертушку, — а ведь, кажется, это наша мама идет, и как бы нам с тобой сейчас не попало».

И им действительно «попадает».

«Маруся подняла голову и крикнула:

«Вы зачем это, негодные люди, на крышу залезли? На дворе уже сыро. Светлане давно спать пора. А вы обрадовались, что меня нет дома, и готовы баловать хоть до утра!».

Маруся права по всем статьям, но и дочь и муж на нее обиделись.

Почему?

Дело в том, что Гайдар показывает эту семью в момент некоторого осложнения отношений.

К Марусе на дачу приехал в гости ее товарищ, летчик. Маруся долго сидела с ним в саду, а потом пошла провожать его на станцию. Это очень неприятно и Светлане и ее отцу. Конечно, каждому по-своему.

И вот, когда, вернувшись со станции, Маруся отчитала их и согнала с крыши, они совсем разобиделись.

Утро принесло новые огорчения: Маруся обвинила их в том, что они разбили ее голубую чашку, не поверила их оправданиям и потом собралась и уехала в город.

И вот отец предлагает Светлане уложить в походную сумку яблоко, булку и табак и уйти «из этого дома кула глаза глядят».

Они бродят целый день по окрестностям, видят много интересного, а к вечеру, соскучившись по Марусе и успокоившись, они понимают, что зря на нее «плохое подумали» и возвращаются домой. Радостно встречает их Маруся. Вот и все. Гайдар показал чрезвычайно типичный и характерный эпизод из семейной жизни. Правдиво и искренне передал интимные переживания людей в связи с этим эпизодом. Дал очень яркие характерные фигуры взрослых людей и ребенка, показал их глубокую взаимную привязанность.

Казалось бы, такая книжка должна радовать.

Между тем «Голубая чашка» взволновала и всполошила родителей и педагогов.

Эта голубенькая книжечка, предназначенная издательством для среднего возраста, но доставляющая больше всего удовольствия малышам лет 9—10, показалась многим родителям бомбой, взрывающей их родительский авторитет, в корне подрывающей основы семьи и морали.

В своих отзывах о книжке родители упрекают Гайдара в том, что он рассказывает детям о вещах, о которых им не следует знать, показывая ревность, учит их подозрительно присматриваться к родителям, настраивает их против матерей.

«Из этой книги ребенок сумеет извлечь представление, что мамы — скверные, а папы — глупые и недовольны мамами», — пишут родители.

«Считаем, что этой книге нет места в советской литературе».

Такого же мнения придерживаются и некоторые библиотекари, считающие недопустимым давать эту книгу младшим ребятам, которым она как раз больше всего нравится.

Передо мной экземпляр книги, весь исчерканный рукой негодующего папаши. Подчеркнуты отдельные слова и целые строки, поля испещрены выразительными надписями: «Безобразие», «Чему учат!». Папаша оскорблен.

Еще бы, ведь в этой книге и отец и мать низведены с пьедестала. Отец испытывает нечто вроде ревности, а мать не всегда улыбается дочке и не всегда справедлива.

Гайдар нарушил исконнейшие традиции специфической детской литературы.

Гайдар осмелился приоткрыть перед детьми мир интимных переживаний взрослого, он показал детям ревность. Это ли не преступление?

Некоторые защитники книги, обороняясь от нападок хранителей семейных тайн, утверждают, что никакой ревности в ней нет.

Это неверно. Ревность показана. Но какая ревность?

Ревнующий человек сам в глубине души сознает, что он неправ. Он никак не проявляет своей ревности, и только по [illegible] словам и интонациям можно догадаться о ней.

Сделано это чрезвычайно правдиво и так тонко, что далеко не все ребята догадываются, в чем дело. Большинство детей думает, что отец так же как Светлана, просто обиделся за «несправедливые» нападки Маруси.

О подлинных причинах догадываются лишь те дети, которым приходилось наблюдать проявления ревности в жизни.

И можно быть уверенным, что эти проявления были грубее и резче, чем в книге Гайдара. Таким ребятам эта книжка не открывает ничего нового, а лишь помогает разобраться в одном из мучительнейших вопросов, которые стоят перед ними жизнь.

Что касается подрыва Гайдаром авторитета матери, то действительно были случаи, когда, прочитав книжку, ребята говорили, что Маруся похожа на их маму: «Тоже все запрещает» и что Маруся нехорошая, папа им больше нравится.

Это, конечно, плохо, но плохо не потому, что все матери из книжек должны нравиться ребятам, должны быть хорошими, а потому, что отрицательное отношение к Марусе у ребят получилось против воли автора. Гайдар затронул самый больной для маленького читателя вопрос — вопрос о всевозможных запретах.

Читая книги, ребята вспоминают все несправедливые запреты своих матерей и возмущаются.

Гайдар должен был учесть это, если хотел внушить читателю симпатию к своей Марусе.

Но можно ли все же винить только писателя в том, что, узнав в его героине черты своей матери, читатель чувствует раздражение?

Итак, Гайдар обвиняется, в сущности, в том, что он так правдиво отразил действительность, что дети узнают в его книге жизненные явления, которые родителям хотелось бы скрыть от ребят.

Они требуют, чтобы детская книжка была ширмой, заслоняющей от детей недостатки родителей, и негодуют, что книга Гайдара этой функции не выполняет.

Мы считаем основным достоинством Гайдара правдивость с детьми. Гайдар уважает своих читателей и серьезно говорит с ними о том, что волнует и трогает его самого.

В книжке «Голубая чашка» он показал ребятам кусочек жизни, показал людей с их подлинными переживаниями и, затронув ряд серьезных и волнующих ребят вопросов, заставил их думать и чувствовать. За это ценное и редкое в нашей детской литературе качество мы готовы простить «Голубой чашке» и композиционную неслаженность и нечеткость сюжетной линии.

Но один недостаток заслуживает серьезного внимания: по затронутым проблемам, по характеру переживаний героя, по глубине замысла книга представляет большой интерес для старших ребят, а занимающее большую часть книги описание всего виденного отцом и Светланой во время прогулки сделано так, что заинтересовывает только маленьких.

По свидетельству библиотекарей, «Голубую чашку» читают и хвалят преимущественно малыши 9—10 лет.

Это очень жаль. Малыши не в состоянии понять и оценить сущность этой книги. Книга предназначена для старших ребят и должна и может быть доработана в этом плане.

А. Гайдар. «Голубая чашка», Детиздат, 1936, 38 стр., ц. 1 р. 75 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1790 год «Путешествие из Петербурга в Москву»

В июне 1790 года А. Н. Радищев закончил в своей типографии печатание «Путешествия из Петербурга в Москву». Это замечательное произведение, впервые в русской литературе правдиво и реалистично изображавшее невыносимые условия существования народных масс, было воспринято Екатериной II как «оскорбление величества» и призыв к бунту. «Радищев,—заявила она,—бунтовщик хуже Пугачева».

Радищев был немедленно заключен в Петропавловскую крепость и осужден к смертной казни, замененной затем ссылкой в Илимск. В 1802 году он покончил с собой. «Потомство за меня отомстит»,—писал он незадолго до смерти.

Известно, как высоко ценил Радищева Ленин. В статье «О национальной гордости великороссов» он поставил его в один ряд с декабристами и революционерами 70-х годов. «Нам больнее всего,—писал он,—видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...»

Из напечатанных 650 экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищев успел пустить в продажу только 25 и не более 10 роздал друзьям. Обнаружив затем, что книгу в столице стали «принимать в худом смысле», он поспешил все оставшиеся экземпляры сжечь. Разумеется, это не могло уже его спасти.

После смерти Радищева писать о нем было запрещено. Пушкин с недоумением обращался к Бестужеву: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева! Кого же мы будем помнить?» Однако и пушкинскую статью для «Современника», в которой он, по требовании цензуры, во многом осуждал Радищева, все же напечатать не удалось. Министр народного просвещения С. С. Уваров запретил ее со следующей мотивировкой: «Статья сама по себе недурна и с некоторыми изменениями могла бы быть пропущена. Между тем нахожу неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения».

Впервые «Путешествие» было переиздано Герценом за границей в 1858 году. Но заграничное издание не могло получить в России широкого распространения, также как и разрешенное в 1888 году суворинское роскошное издание в количестве 100 экземпляров.

Только революция 1905 года дала возможность русскому читателю познакомиться с «Путешествием». Прошло 115 лет с того времени, как Радищев выпустил свою книгу, пока она попала наконец в руки массового читателя.

В 1905 году вышло первое массовое издание «Путешествия из Петербурга в Москву». В 1906 году вышло сразу пять изданий этой книги, и в следующем году понадобилось еще три новых издания. С тех пор «Путешествие» переиздавалось еще много раз. Сейчас книга Радищева включена в серию «Школьной библиотеки классиков».

«Поднятая целина» в Большом театре СССР

На генеральной репетиции

Состоявшаяся 22 июня в Большом театре Союза ССР генеральная репетиция оперы И. И. Дзержинского «Поднятая целина» на сюжет романа М. А. Шолохова (либретто Л. И. Дзержинского) дает много оснований полагать, что эта новая работа Большого театра, когда она будет окончательно завершена, явится новым и крупным шагом вперед на пути развития советской оперы.

Единодушно мнение присутствующих на репетиции крупнейших представителей театральной и писательской общественности, что опера И. И. Дзержинского — значительное событие советской музыкальной культуры, а самый спектакль знаменует собой исключительно важный этап в работе Большого театра.

Начиная с художественного руководителя и дирижера спектакля народного артиста СССР С. Самосуда и кончая рабочими сцены, весь творческий и технический коллектив буквально жил новой постановкой. И понятно, почему: тема «Поднятой целины» и задача жизненно-правдивого воплощения ее на оперной сцене пред'являли высокие требования ко всем работникам театра.

Всякая, даже мельчайшая неудачная деталь грозила увести спектакль в сторону от реалистичности и придать ему неправильную окраску. С другой стороны, работая над «Поднятой целиной», театр сознавал, что этим спектаклем он продолжает весьма ответственную работу по созданию образцового советского оперного репертуара.

— К осуществлению спектакля «Поднятая целина», — рассказывает **С. А. Самосуд**, — мы приступили, вдохновленные мыслью товарища Сталина о том, что настало время для создания советской классической оперы, притом оперы на тему нашей советской действительности. С большой тщательностью работал весь творческий коллектив над постановкой спектакля. Композитор И. И. Дзержинский и либреттист Л. И. Дзержинский ездили к М. Шолохову в станицу Вешенскую, где они знакомились с бытом и жизнью донского казачества и с обстановкой, описанной в романе «Поднятая целина». Художник П. Вильямс задался целью отобразить в оформлении спектакля местный колорит и вместе с тем преодолеть специфичность оперных декораций.

Спектаклем «Поднятая целина» коллектив Государственного ордена Ленина Академического Большого Театра СССР делает попытку достойно ответить правительству и партии на полученные театром и его выдающимися работниками высокие награды.

На генеральной репетиции, наряду с исполнителями центральных партий — Кругликовой, Евлаховым, Головиным и др., особенным успехом пользовался замечательный хор Большого театра, великолепно исполнивший казачью песню в седьмой картине спектакля и финал оперы, написанный композитором с огромным под'емом.

Можно с уверенностью сказать, что казачья песня из «Поднятой целины» станет столь же популярной и любимой, как и песня «От края и до края» из оперы «Тихий Дон».

МАТВЕЕВ.

Беседа с М. Шолоховым

Несколько дней гостит в Москве Михаил Шолохов.

Он приехал на генеральную репетицию оперы «Поднятая целина» в Большом театре.

Премьеру «Поднятой целины» московский зритель увидит в сентябре.

К этому времени в спектакле будут исправлены все недочеты, ощущавшиеся на генеральной репетиции.

М. Шолохов в общем доволен воплощением его романа на оперной сцене.

С музыкой И. Дзержинского и с либретто Л. Дзержинского писатель знакомился в процессе работы композитора и либреттиста над оперой. Но только теперь он получил полное представление о спектакле в целом.

— Я считаю, — говорит М. Шолохов,— что «Поднятая целина» больше удалась И. Дзержинскому, чем «Тихий Дон». В новой опере он выступает, по-моему, более зрелым композитором. Музыкальные характеристики основных персонажей — Лушки, Давыдова, Нагульного, сохраненных в либретто, очень выразительны. Все участники спектакля вполне справились со своей работой. А исполнители главных ролей тт. Кругликова, Евлахов и Головин — создают цельные, яркие образы.

Не вполне удовлетворен М. Шолохов первой картиной спектакля. «Мне кажется, — говорит он, — что она идет несколько вяло. Как будто бы с этим согласен и композитор. Он намерен дописать еще два эпизода для того, чтобы придать большую напряженность действию.

Либретто оперы также вполне удовлетворительно. Несмотря на то, что в оперу введены лишь основные персонажи романа, либретто получилось целостным и сюжетно законченным. Небольшие погрешности языкового порядка легко устранимы.

М. Шолохову очень понравилась постановка оперы. Дирижер С. Самосуд, режиссер Б. Мордвинов, художник П. Вильямс, балетмейстер Захаров и др. создали, по мнению автора «Поднятой целины», хороший, гармоничный спектакль.

*

М. Шолохов, с явным неудовольствием по своему собственному адресу, говорит о том, что в этот его приезд в Москву он не выполнил обещания, данного Гослитиздату: не привез четвертой книги «Тихого Дона».

Работа над книгой по словам писателя, затянулась, рукопись все еще не окончена, и нужно не меньше двух месяцев, чтобы подготовить ее к печати. М. Шолохов обещает к осени непременно прислать рукопись в Москву.

СОВЕТСКИЕ ПЕСНИ О СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

Музгиз выпускает массовым тиражом песни советских композиторов, посвященные героям-летчикам, завоевателям Северного полюса.

Среди них песни: «Победителям полюса» (текст А. Жарова, музыка Д. Салиман-Владимирова), «Северный полюс» (текст Б. Болотина и т. Сикарской, музыка В. Кручинина) и «Песни о завоевателях полюса» (текст М. Рыльского, музыка Л. Бокалова).

Вышла из печати песня **«Полюс наш»** (слова Н. Тихонова, музыка М. Сидрера).

КНИГИ АБРАМА ПЕТРОВИЧА ГАННИБАЛА

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** Прадед Пушкина Абрам Ганнибал, увековеченный поэтом в «Арапе Петра Великого», последние годы своей жизни доживал невдалеке от Петербурга в пожалованной ему императрицей Елизаветой мызе Суйда и похоронен на кладбище сел Суйда и Кобрино. Пушкинской комиссией Академии наук СССР через научного сотрудника Е. С. Гладкову получено 11 книг, хранившихся в позднейшей церкви с. Суйда. Книги эти — помесячные «Минеи» — были личным вкладом А. П. Ганнибала в инвентарь современной ему церкви. Внизу каждой страницы на каждой книге проставлены чернилами рукою самого Ганнибала буквы, из которых получается следующий текст:

«1775 году, июня 21-го дня, его высокопревосходительство генерал-аншеф и разных орденов кавалер, Абрам Петрович Ганнибал, в Суйдовской мызе, в церковь Воскресения Христова дал вклад сию книгу, именуемую месячная минея».

Девять из редчайших книг переданы на хранение в архив Пушкинского Дома, две—краеведческому музею Красногвардейска.

Канал Москва—Волга. Речной вокзал в Химках. (Союзфото).

Великий друг и учитель советских писателей

На вечере памяти Горького в ДСП

Вечер памяти Горького в ДСП открыл поэт **А. Сурков.** Он говорил о том, с какой огромной страстностью откликался Горький на все события в нашей стране и далеко за ее пределами.

Горький — вот идеал, каким должен быть в наше время писатель, борец за человеческое счастье. Любовь и ненависть Горького всегда достигали цели. Он не давал врагам покоя, метко попадая в них огненными стрелами своих разоблачительных статей и высказываний.

А. Сурков напомнил предсмертные слова Алексея Максимовича о том, что нам нужно «застегнуться на все пуговицы», и призывал писателей к повышению бдительности и к добросовестному продолжению горьковских традиций.

Итальянский писатель **Джерманетто** рассказал о том, какое ошеломляющее впечатление произвело на итальянских рабочих известие о смерти Горького.

Докеры и строители со слезами на глазах говорили о потере близкого и дорогого человека.

Для итальянских рабочих Горький сделал очень много. В бытность Горького в Соренто у него бывали сотни людей. Полиция Муссолини не в силах была «оградить» Горького от общения его с итальянским народом. В городах и в далеких деревушках Сицилии почти нет такой квартиры, где бы не висел портрет Горького, где бы не было нескольких его книг.

Рабочая и крестьянская беднота Италии говорит о Горьком с большой любовью, как о человеке, страстно клеймившем порабощение и прославлявшем свободу.

Интересно и остроумно рассказывал о своих встречах с Горьким **А. С. Новиков-Прибой.**

Об отцовском внимании Горького к начинающим писателям говорили **П. Железнов** и **С. Васильев.**

ГО.

Горьковская декада

— Приходите рисовать и лепить Горького и героев его произведений!

— Приносите свои рассказы и стихи, посвященные Горькому!

Эти призывы, обращенные к юным посетителям Детского городка в Парке культуры и отдыха им. Горького, встретили горячий отклик.

Конкурс еще только начался, а в портфеле руководительницы литературного кружка т. Соколовой скопилась уже целая груда старательно исписанных листков со стихами о Горьком, принесенных маленькими поэтами. В «зале интересных занятий» можно видеть большую галлерею портретов Алексея Максимовича, нарисованных детьми. Особенно удачны рисунки двух мальчиков — **Канарейкина** и **Минаева,** изображающие Горького среди пионеров.

Среди скульптурных работ выделяется бюст Горького, сделанный **Женей Кораблевым.**

— Очень похож на дедушку, — сказали Даша и Марфуша Пешковы, пришедшие в городок в годовщину смерти Алексея Максимовича. Появление внучек Горького взволновало ребят. Они окружили их тесной гурьбой и наперебой просили рассказать «про дедушку». Даше подарили куклу, а Марфуше — набор для кукольного театра.

С рассказами и воспоминаниями о Горьком выступили писатели **П. Железнов и И. Рахилло.** Потом дети читали свои стихи.

Среди гостей был и кинорежиссер **Донской,** рассказавший о подготавливаемой им постановке фильма **«Детство»** — о юности Горького.

Один из постоянных посетителей Детского городка — черноглазый **Боря Роткевич** — тут же был приглашен в качестве исполнителя в фильме роли татарченка Хаби из «дружной ватаги».

В эти дни на всей территории парка о великом писателе напоминают не только развешанные повсюду громадные портреты и кумачевые щиты с цитатами из его произведений. Дирекция парка в тесном сотрудничестве с союзом советских писателей и Академией наук проделала большую работу, чтобы достойно отметить первую годовщину со дня смерти Алексея Максимовича.

Виднейшие представители науки и литературы, более **15** тысяч трудящихся столицы пришли 18 июня в Зеленый театр на торжественное собрание, посвященное памяти великого художника слова.

Открывая собрание, президент Академии наук **академик В. Л. Комаров** подчеркнул значение Горького — учителя советской литературы и великого гражданина нашей родины. Эту тему углубил в своем докладе ответственный секретарь ССП СССР т. **Ставский.**

— Беззаветный друг трудящихся, пламенный борец за коммунизм, он был беспощаден к врагам социалистического строя. Следовать его примеру, учиться у него священной ненависти к врагам народа должны все советские писатели...

Академик **И. А. Орбели** обратился к многотысячной аудитории с горячим призывом блюсти завет Горького — хранить и беречь чистоту великого русского языка.

Об особенностях творчества Горького и его роли в мировой литературе говорили профессора **И. К. Луппол** и **П. И. Лебедев-Полянский. Вс. Иванов** прочел свои воспоминания.

Собрания памяти Горького происходили также в эстрадном театре, на симфонической эстраде и в однодневных домах отдыха парка.

ГОРЬКОВСКИЕ ДНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

От наших корреспондентов

Первую годовщину смерти А. М. Горького Ленинградский союз советских писателей отметил большим вечером памяти великого пролетарского писателя. Доклад о творчестве А. М. Горького и месте гениального художника пролетариата в развитии русской литературы сделал проф. **В. А. Десницкий.**

Корней Чуковский поделился интересными воспоминаниями о Горьком. В свое время К. Чуковскому пришлось работать с Алексеем Максимовичем в издательстве «Всемирная литература».

О «суровом и нежном учителе» поколений советских писателей рассказали **М. Слонимский** и **А. Чапыгин.**

Институт литературы Академии наук СССР провел двухдневную научную конференцию, посвященную памяти А. М. Горького.

Большой доклад об очередных задачах горьковедения сделал проф. **С. Д. Балухатый.** Он познакомил конференцию с планом работ горьковской группы Института литературы и с содержанием ближайших горьковских сборников.

В первый день были заслушаны сообщение **С. В. Касторского** о работе Горького над повестью «Мать» и доклад **О. В. Цехновицера** «Горький и Запад».

Второй день конференции начался докладом проф. **Н. К. Пиксанова** «Горький и советские писатели». На богатом материале докладчик показал величественный образ Алексея Максимовича как наставника и учителя советской литературы.

Интересен был и доклад **А. Дымшица** «Горький и фольклор». Развернув систему взглядов А. М. Горького на фольклор, т. Дымшиц указал на их органическую связь со взглядами Горького на социалистический реализм и народность в искусстве.

Доклад **Т. К. Ухмыловой** в основном был посвящен переписке Горького и Миролюбова.

Надо отметить, что конференция прошла как-то «замкнуто», в узком кругу научных работников института. Непростительно отсутствие на ней ленинградских писателей.

Следует указать и на недостаточную подготовку программы конференции: доклад Е. В. Михайловой оказался слабой ученической работой, никак не раскрывшей ответственную тему: «Ранняя критика о Горьком».

Письма М. Горького к В. Короленко

Первую годовщину со дня смерти А. М. Горького редакция «30 дней» отмечает печатанием в шестой книжке журнала материалов и статей о великом писателе.

Особенный интерес представляют два письма А. М. Горького к В. Г. Короленко и ответное письмо Короленко к Горькому.

Письма датированы 1913 годом. В первом из них Алексей Максимович передает Короленко просьбу украинского этнографа В. Гнатюка принять участие в сборнике, посвященном памяти Ив. Франко.

Тепло отзывается Горький о рассказах Короленко «Турчин и мы».

В другом письме, помеченном 24 июля 1913 г., А. М. Горький жалуется на нездоровье, мешающее ему выехать в Россию. Впрочем, писателя удерживало на Капри не только недомогание, но и мысль о том, что в Петербурге ему придется встретиться с окололитературными обывателями, с «эгофутуристами», апостолами «нового» искусства и т. п.

«На-днях, — пишет А. М., — получил очень постыдную книгу: «Десятилетие ресторана «Вена». Литературно-художественный сборник. Это — нечто вроде «Календаря писателей», но, пожалуй, еще пошлее. Сколько бесстыдников развелось на Руси, — жуть берет!

И когда думаешь — надо ехать домой, то первым вопросом является: а как ты встретишься с этими? Отчаянно неловко будет.

Посмотрел я литературу «эгофутуристов», и, на мой взгляд, это прежде всего — не искренне, — это холодный расчет нигилистов, желающих во что бы то ни стало обратить на себя внимание и пожевать кусочек—хоть маленький! — сладкого пирога славы».

Глубокая горечь звучит в словах Горького, когда он рассказывает об изменениях, происшедших среди интеллигенции после революции 1905 года, о жалких и бездарных потугах доморощенных российских «философов» «сказать свое слово в искусстве», об охлаждении известной части русского общества к социальным вопросам.

«Сейчас здесь — русские экскурсанты, каждую неделю бывают две экскурсии, по 50 человек слишком. Люди — со всех концов России, преобладает народ среднего достатка, народные учителя — в меньшинстве, иногда на всю группу их 5—6 человек. Всю эту публику я вижу и — вижу: сильно изменился русский человек! И нехорош главный признак изменения, ибо это — общее всем понижение социального интереса, социального чувства. В Риме экскурсантов водит по музеям некто Грифцов, автор бездарной книжки «Три мыслителя: Мережковский, Розанов, Шестов». Он говорит сырым русским людям, что Рафаэль — бездарен, Венера Капитолийская — урод и прочее, что ныне принято. Слушают и восхищаются: как смело, как ново! А одна дама в лиловых чулках, строго поглядев на меня в какой-то очень большой и уродливый лорнет, спросила кислым тоном:

— Вы все еще не вылечились от этих социализмов?

Петербургская учительница любезно осведомилась:

— Вы еще пишете, или уже — перестали?»

Подготовка к юбилею Руставели

На президиуме комиссии ССП СССР

На заседании президиума руставелиевской юбилейной комиссии ССП СССР, состоявшемся 17 июня, выяснилось, что далеко не все писательские организации связаны с юбилейной комиссией.

Еще 7 июня комиссия обратилась в писательские организации Украины, Узбекистана и др. с просьбой сообщить как у них идет подготовка к юбилею Руставели. Однако ответа на это обращение не поступило. Комиссия не знает, что делается на местах.

Из сообщения представителя союза советских писателей Украины поэта **М. Бажана** выяснилось, что кроме самого Бажана, автора перевода поэмы «Витязь в тигровой шкуре», никто из украинских поэтов Руставели не переводит. Нет на Украине и специалистов по грузинской литературе, которые могли бы сделать доклады о Руставели. О подготовке же докладчиков из своей среды ССП Украины не думает.

Лучше обстоит дело в Ленинграде. В работе юбилейной комиссии активное участие принимает академик И. А. Орбели. Над переводами работают поэты Спасский, В. Державин и др.

Выступивший на президиуме руставелиевской комиссии **Н. С. Тихонов** указал на необходимость **ускорить обсуждение переводов Руставели** и лучшие из них рекомендовать для печати краевым и областным издательствам.

Задержка обсуждения переводов ставит под угрозу своевременный выпуск произведений Руставели.

Решено с 15 ноября организовать **«Месячник Руставели»** и поднять вопрос о выпуске юбилейной медали Руставели по образцу пушкинской.

Как и на первом заседании комиссии (см. «Л. Г.» от 10 июня), по непонятным причинам **отсутствовали** члены бюро поэтической секции ССП СССР.

А. ГОБЕР.

«Счастливая книга»

ЛЕНИНГРАД **(наш корр.).** К двадцатилетию Великой пролетарской революции Дом детской литературы по инициативе ленинградских школьников выпускает **сборник детских произведений — «Счастливая книга».** Для сборника уже поступило более тысячи работ. Темы рассказов, очерков, стихов, написанных школьниками, разнообразны. Юные авторы пишут о своей родине, о вождях своей страны, о своих героях и друзьях, о своей счастливой жизни, о своих мечтах.

«Счастливая книга» будет иллюстрирована детскими рисунками.

В парторганизации ЛоССП

«Литфронт» был агентурой право-левацкого двурушнического блока Сырцова—Ломинадзе в литературе.

Литфронт засосал в болото беспринципной групповщины немало честных литераторов, в том числе отдельных красноармейских, краснофлотских и рабочих литкружковцев.

Н. Свирин, один из руководителей Литфронта в Ленинграде, в своих выступлениях и теоретических статьях проводил литфронтовские установки, которые сказались в его книге «Литература и война». Уже отойдя от Литфронта, т. Свирин не порвал старой связи с соратниками по Литфронту — Камегуловым, Майзелем и Гореловым, впоследствии оказавшимися врагами народа, и продвигал их на ту или иную работу. Майзеля Свирин пригласил одним из руководов Института искусствознания, несмотря на имевшие место возражения против привлечения Майзеля в Институт искусствознания.

Работая в ГАИС, Свирин подписал к печати книгу о декабристе Тургеневе, содержащую явную политическую ошибку. Руководя литературным сектором ГАИС, Свирин передоверил сектор другим лицам, проявив здесь отсутствие большевистской бдительности.

Разоблачение Камегулова и Майзеля должно было послужить уроком т. Свирину, но он не сделал надлежащих выводов. Слепо веря Горелову, Свирин не помог организации разоблачить вредительские методы работы этого двурушника, выступил в защиту Горелова.

Совокупность всех этих ошибок заставила парторганизацию ленинградского отделения ССП вынести решение об исключении Н. Свирина из партии.

Парторганизация постановила вернуться к вопросу о Свирине через год.

А. МАКИН.

МУЗГИЗ ВЫПУСКАЕТ КНИГИ РОМЭН РОЛЛАНА

Музгиз готовит к печати собрание музыкально-исторических сочинений Ромэн Роллана под общей редакцией Д. Гачева и Б. Левика.

В первом томе будет помещено самое раннее крупное музыкально-историческое сочинение Ромэн Роллана «История оперы до Люлли и Скарлатти». Это сочинение было докторской диссертацией великого писателя-гуманиста.

В следующих томах будут помещены статьи и монографии о Бетховене, Генделе, Моцарте, Глюке и других крупнейших композиторах, а также статьи «Гете и Бетховен» и «Стендаль и музыка» и др.

Ромэн Роллан только что закончил вторую книгу о Бетховене, рукопись которой в ближайшие дни будет получена Музгизом.

Эта книга дает анализ творчества Бетховена в годы его кризиса (1816—1823 гг.). Первая книга, как известно, охватывает период от «Героической симфонии» до «Апассионаты».

Все издание будет выпущено в три года. В текущем году выходят три тома: четвертый («Музыканты прошлых дней»), пятый («Музыканты наших дней») и том седьмой («Бетховен», книга 1-я).

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Изд-во „Известия ЦИК СССР и ВЦИК"
Москва, 6. Площадь Пушкина.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 2-е полугодие (июль — декабрь) 1937 г.
на ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

НОВЫЙ МИР

(XIII год издания).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

	12 м.	6 м.	3 м.	1 м.
Без перепл.	36 р.	18 р.	9 р.	3 р.
В переплете	54 р.	27 р.	13 р. 50	4 р. 50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Изд-вом «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» — Москва, 6, площадь Пушкина, «Союзпечатью», почтой, книжными магазинами, сборщиками подписки на предприятиях и на транспорте.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИСКУССТВО"

К годовщине смерти великого пролетарского писателя

Максима ГОРЬКОГО

выпущены следующие издания:

1. Двухтомник пьес, содержащий всю драматургию великого писателя (15 пьес: «Мещане», «На дне», «Дачники», «Дети солнца», «Варвары», «Враги», «Последние», «Чудаки», «Зыковы», «Дети», «Старик», «Фальшивая монета», «Егор Булычев и др.», «Достигаев и др.», «Васса Железнова» — 2-й вариант).
Цена за 2 тома в пер. 25 руб.

2. Васса Железнова (второй вариант). В серии «Самодеятельный театр» с режиссерским комментарием заслуженной артистки Республики Е. С. Телешевой и статьями художников по оформлению спектакля.
Цена в пер. 2 р. 50 к.

3. «Егор Булычев и другие». Режиссерский комментарий заслуж. деятеля искусств Б. Е. Захава и статья Ю. Юзовского.
Цена в пер. 3 р.

Книги высылаются наложенным платежом без задатка.
Заказы направлять по адресу: Москва, 47, 5-я Тверская-Ямская, № 7, Изд-во «Искусство» — «Книга-почтой».
Подробный каталог книг по театру и драматургии, изобразительным искусствам, кино и фото высылается по требованию.

СОЦЭКГИЗ КОГИЗ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1937 год на журнал

КНИГА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

12 номеров в год

Журнал является основным источником информации о всей выходящей литературе для широкого партийного, советского и хозяйственного актива, преподавателей общественных дисциплин и т. д.

Журнал рассчитан на парткабинеты, библиотеки, научных сотрудников, писателей, преподавателей и учащихся литературных вузов и техникумов, литературные кружки и на широкие слои партийного и советского читательского актива.

Подписная цена: на 6 мес.—12 руб., 3 мес.—6 руб.

Цена отдельного номера — 2 руб.

Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными КОГИЗ'а, Союзпечатью и всюду на почте, а также в Главной Конторе КОГИЗ'а — Москва, Маросейка, 7.

Государственное издательство «ИСКУССТВО»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ:

И. Е. РЕПИН — письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову.
Под редакцией К. И. Чуковского. Вступительная статья и примечания И. А. Бродского и Я. Д. Лещинского.
Стр. 116 с иллюстр. Цена 4 руб.

В. А. СЕРОВ — «Переписка».
Собранная с наибольшей полнотой переписка В. А. Серова дает ясное представление о жизни выдающегося русского художника и о его творческом методе.
Стр. 440. Цена в пер. 10 руб.

В ближайшее время выходят из печати:

ИГОРЬ ГРАБАРЬ — «Моя жизнь».
В этой книге заслуженный деятель искусств художник Игорь Грабарь подробно рассказывает о своей жизни.
«Моя жизнь» является значительным документом истории русского искусства конца XIX и начала XX века. Будучи связан с огромным кругом художников и общественных деятелей, будучи сам художником, архитектором, музееведом, историком искусств, критиком, автор наполнил свою книгу огромным фактическим материалом.
К автомонографии приложены: список произведений И. Грабаря, список его архитектурных сооружений, литературных работ, выставок с его участием, музеев, в которых находятся его произведения, и список литературы о художнике.
Издание содержит 24 цветных и 7 черных вкладок и более 100 иллюстраций в тексте. Об'ем 24 печ. листа. Формат—1/8 листа. Цена в роскошном переплете — 55 рублей.

А. А. ЯБЛОЧКИНА — «Воспоминания» — Юбилейный сборник, посвященный пятидесятилетию сценической деятельности народной артистки республики орденоносца А. А. Яблочкиной. Сборник содержит «Воспоминания» А. А. Яблочкиной, статью С. Кара-Мурза — «Творческий путь А. А. Яблочкиной», очерк А. Ашанина — «А. А. Яблочкина и Всероссийское театральное общество» и высказывания ряда народных и заслуженных артистов о творчестве и общественной деятельности Яблочкиной (В. И. Немировича-Данченко, В. И. Качалова, В. А. Рыжовой, Е. Д. Турчаниновой и др.).
В книге имеется список ролей А. А. Яблочкиной. Сборник иллюстрирован 24 фото, изображающими А. А. Яблочкину в различных ролях. Цена в пер. 8 р. 50 коп.

И. Е. РЕПИН — «Далекое и близкое».
Воспоминания и статьи под редакцией К. И. Чуковского. Воспоминания охватывают всю жизнь великого художника, рассказывают о детстве и юности, о первых занятиях искусством, о встречах с огромным количеством художников, о работе над своими картинами и т. д.
Цена в пер. 15 руб.

Д. РОДИОНОВИЧ — «Репин».
Монографический очерк о жизни и творчестве великого русского художника.
26 репродукций с лучших работ, из них 2 цветные.
Книга написана популярным языком и доступна широкому кругу читателей. Цена 2 р. 20 коп.

К. ДЕРЖАВИН — Театр французской революции. 1789—1799.
Стр. 310+26 иллюстр. Цена в пер. 9 р. 50 к.

Книги высылаются наложенным платежом без задатка.
Заказы направлять по адресу: Москва, 47, 5-я Тверская-Ямская, 7, Изд-во «Искусство» — «Книга почтой».
Подробный каталог высылается по требованию.

Уполномоченный Главлита № В — 29605.
Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.